

© 2000 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК

ЛИНГВИСТИКА ПО А. Т. ФОМЕНКО

Вступительное пояснение. Настоящая статья написана, как это прямо указывается в тексте, отнюдь не для читателя-лингвиста, а, напротив, для читателя, незнакомого (или слабо знакомого) с основами лингвистики. Соответственно, в ней поясняются (как правило, несколько упрощенно) даже самые обычные лингвистические термины и положения; слегка упрощено также само изложение лингвистических фактов, чтобы сверх меры не затруднять неподготовленного читателя. На страницах "Вопросов языкознания" эта статья публикуется с целью ознакомить лингвистическую общественность с тем, как используются данные языка в получившем ныне прискорбно широкое распространение учении А. Т. Фоменко о глобальной ревизии мировой истории.

"Новое учение" А. Т. Фоменко (далее: А. Т. Ф.) о всемирной истории (изложенное в его единоличных трудах или в соавторстве с Г. В. Носовским)¹ ошеломляет. Одних — невероятной смелостью мысли, не побоявшейся отвергнуть практически всё, что полагало о своей древней истории человечество до сих пор, и открыть миру доселе неведомую — совершенно иную — историю Египта, Греции, Рима, Англии, Европы в целом, России и по сути дела всех вообще стран, других — невообразимым нагромождением нелепостей.

Не скрывая, что я принадлежу к числу вторых, а не первых, я тем не менее считаю целесообразным трактовать (по крайней мере вначале) сочинения А. Т. Ф. по истории так, как он подает их сам, — не как произведение научно-фантастического жанра, или интеллектуальную игру, или пародию, или новое вероучение, а как научную концепцию. В этом случае к ней естественно применять принятые в науке критерии доказательной силы того или иного утверждения.

Ниже я рассматриваю в основном книгу Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко "Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима" (далее эта книга обозначается НХ, ее отдельные тома — НХ 1 и НХ 2); но мои критические суждения в большинстве случаев применимы и к другим работам А. Т. Ф. Я не ставлю своей целью рассмотреть "новое учение" А. Т. Ф. во всех его аспектах, заслуживающих критики. Моя задача ограничена в основном вопросами лингвистики и филологии², т. е. того, что непосредственно относится к моей специальности; в конце

¹ Основоположителем этого учения является Н. А. Морозов. Многое, о чем пойдет речь далее, фактически идет от него. Но в своем критическом разборе мы как правило не будем специально выделять вклад Н. А. Морозова, исходя из того, что на нынешнем этапе А. Т. Ф. равно ответствен как за выдвинутые им самим положения, так и за те, где он солидаризировался с Н. А. Морозовым. С другой стороны, мы будем ниже во многих случаях говорить именно об А. Т. Ф., даже если цитируется совместная работа, поскольку основная ответственность за концепцию в целом (выраженную во многих книгах) и за используемые методы лежит именно на нем.

² Разграничение терминов "лингвистика" (= "языкознание") и "филология" не у всех авторов одинаково. Ниже для наших целей достаточно считать, что первое есть изучение языка как такового, а второе — изучение текстов (как литературных, так и прочих), как правило письменных.

статьи я рассматриваю также один вопрос более общего характера — о так называемых “династических параллелизмах”.

Но прежде, чем разбирать работы А. Т. Ф., следует яснее представить себе, к кому адресоваться. Можно выделить несколько различных контингентов читателей А. Т. Ф.

Профессиональных историков, филологов и лингвистов не нужно убеждать в неприемлемости построений А. Т. Ф. Мне не доводилось встречать в их среде его поклонников.

Построения А. Т. Ф. встречают сочувствие у совсем другого круга людей. Многим эти построения нравятся именно своей экстравагантностью и революционностью. Обычно особенно импонирует то, что ниспровергается “официальная наука”, тем более такая замаранная в советское время прислужничеством идеологии, как история (при этом легко упускается из виду, что А. Т. Ф. ниспровергает не советских историков, а по сути дела всех историков всех стран и эпох).

Есть какое-то количество рьяных сторонников А. Т. Ф., в глазах которых он предстает новым Коперником и неприятие его всей “официальной наукой” является лучшим подтверждением его правоты. Для людей подобного сектантского духа аргументы обычно силы не имеют.

Есть также немало читателей, которым просто нравится захватывающая новизна сюжета, бойкость и размашистость изложения, элементы нового жанра, смыкающегося кое в чем с детективом и с научно-фантастическим романом. Вопрос о том, правда ли всё это, для них откровенным образом второстепенен. Для многих притягательна скандальная слава, которую приобретает учение А. Т. Ф., раздуваемая теперь уже и телевидением. Картина крушения всего, что еще недавно было школьной прописной истиной, как всякое апокалиптическое зрелище, возбуждает.

К этим категориям читателей я не обращаюсь.

Наш разбор предназначен лишь для тех, кто видит в работах А. Т. Ф. именно научную концепцию и, следовательно, готов определять свою позицию, взвешивая аргументы за и против, а не на основе общих ощущений типа “нравится — не нравится”. Мы хотели бы также помочь тем, кто встречает с естественным сомнением каскад невероятных новшеств, низвергающихся на читателя из сочинений А. Т. Ф., но не берется сам определить, достоверны ли факты, на которые ссылается А. Т. Ф., и вытекают ли из них в действительности те выводы, которые он делает.

Заметим, что многих из таких читателей озадачивает противоречие между сказочным неправдоподобием того, что, скажем, Лондон раньше стоял на берегу Босфора или что Батый — это Иван Калита, и их представлением о том, что если автор — математик, да еще высокого ранга, то у него все должно быть “математически доказано”. Этим читателей я приглашаю прежде всего осознать, что и сам А. Т. Ф. не претендует на то, что все его утверждения об истории математически доказаны. Вообще, математически доказать можно только математическое утверждение. В любой другой науке, даже в физике, прежде чем встанет вопрос о каком бы то ни было математическом доказательстве, содержательное утверждение данной науки должно быть представлено в математической форме. А само это математическое представление в принципе может быть более адекватно или менее адекватно своему объекту — это уже относится к ведению не математики, а соответствующей конкретной науки.

Занимаясь историей, А. Т. Ф. волей-неволей вынужден действовать как историк. Даже если он хочет произвести какие-то математические операции над историческим материалом, ему приходится, придавая этому материалу математическую

форму, решать содержательные проблемы. Допустим, если он статистически обрабатывает данные по длительностям царствований, то он должен вникать в существо дела всякий раз, когда, например, между историками ведется дискуссия о длительности правления такого-то царя.

В книге НХ в сущности вообще никакой математики нет. Строя новые, нетрадиционные представления о том, когда и как что в истории происходило, А. Т. Ф. действует как самый обыкновенный гуманитарий: выдвигает гипотезы и указывает факты, которые согласуются с этими гипотезами.

У гуманитария же вообще нет возможности что-либо доказать в абсолютном смысле этого слова. Если слово “доказать” и применяется иногда в гуманитарных науках, то лишь в несколько ином, более слабом, смысле, чем в математике. Строгого определения для этого “доказательства в слабом смысле”, по-видимому, дать невозможно. Практически имеется в виду, что предложенная гипотеза, во-первых, полностью согласуется со всей совокупностью уже известных фактов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, во-вторых, является почему-либо безусловно предпочтительной из всех прочих мыслимых гипотез, удовлетворяющих первому требованию. В отличие от математического доказательства, “доказательство в слабом смысле” может и рухнуть, если откроются новые факты или будет выяснено, что автор не учел каких-то принципиально мыслимых возможностей. Всё это не значит, однако, что утверждения гуманитарных наук вообще не могут претендовать ни на какую точность и надежность и что в этой области любая гипотеза не хуже и не лучше, чем любая другая. В гуманитарных науках, так же, как, например, в естествознании, долгим опытом выработаны критерии, позволяющие оценивать степень обоснованности того или иного утверждения даже при условии невозможности доказательства в абсолютном смысле.

Взявшись за построение гипотез в области истории и лингвистики, А. Т. Ф. должен быть судим ровно тем же судом, что и обыкновенные историки и лингвисты. Для него не возникает решительно никаких привилегий из того, что он математик (и даже математический академик). В частности, он не вправе ожидать от критиков каких-либо скидок на его непрофессионализм в данной науке, коль скоро он принимает ревизию именно этой науки.

В связи с этим не могу не осудить аннотацию к книге НХ и вынесенные на обложку сведения об авторах. В аннотации говорится: «Предназначена для самых широких кругов читателей, интересующихся применением естественно-научных методов в гуманитарных науках». Это дезинформация: в книге используются обычные гуманитарные методы. Еще не раскрыв книгу, читатель узнаёт также о многочисленных заслугах и рангах А. Т. Ф. в области математики. Это прямое давление на читателя с тем, чтобы он перенес свой запас доверия к математике на книгу, которая к математике уже отношения не имеет и которая одним лишь своим содержанием у него доверия не вызвала бы.

Любительская лингвистика как орудие перекройки истории

В ранних работах А. Т. Ф. лингвистические и филологические вопросы занимали скромное место. В дальнейшем их роль возросла. В книге НХ их роль уже настолько велика, что эту книгу вполне можно рассматривать как сочинение не только по истории, но и по лингвистике и филологии. Та или иная апелляция к языку возникает у авторов почти по каждому обсуждаемому вопросу.

Следует различать два вида соприкосновения с филологической и лингвистической проблематикой в работах А. Т. Ф.: открытое (когда непосредственно обсужда-

ются какие-то слова или тексты) и скрытое. Второе имеет место во многих случаях, когда читателю кажется, что речь идет просто о тех или иных вычислениях. Например, когда А. Т. Ф., вслед за Н. А. Морозовым, изучает даты затмений и показывает нам, что данные астрономии в ряде случаев не сходятся с сообщениями древних историков и летописцев, читатель часто не осознает, что сравниваемые колонки данных (астрономических и летописных) имеют совершенно разную природу. Астрономические данные объективны (или, если угодно, стоят близко к самому верху признаваемой ныне человечеством шкалы объективности), тогда как вторая колонка — это результат филологического анализа определенных древних текстов, и ее надежность полностью зависит от того, насколько успешно проведен этот анализ.

Установление точного смысла некоторого древнего сообщения — операция далеко не простая. Прежде всего, филолог должен непременно иметь перед собой текст этого сообщения в подлиннике: любой перевод — не только литературный, но даже буквальный — в силу разницы в структуре языков неизбежно вносит в смысл текста некоторые малозаметные модификации, какая-нибудь из которых может впоследствии оказаться причиной ложного истолкования.

Яркий пример ошибки такого рода у А. Т. Ф. разбирают Е. С. Голубцова и В. М. Смирин [Голубцова, Смирин 1982] и вслед за ними А. Л. Пономарев [Пономарев 1996]. Рассказывая о затмении 431 г. до н. э., Фукидид сообщает о том, что солнце стало месяцеvidным, а также о том, что появились кое-какие звезды. А. Т. Ф., исходя из литературного русского перевода Фукидида, понимает это так, что сперва солнце стало месяцеvidным, а позднее (когда затмение достигло полной фазы) появились звезды. Тем самым А. Т. Ф. видит здесь сообщение о полном солнечном затмении. Однако, как показали названные авторы, такое толкование возможно только для использованного А. Т. Ф. перевода. Подлинный текст Фукидида такой возможности не дает: он может быть понят только так, что указанные события одновременны: солнце стало месяцеvidным (т. е. затмилось неполностью) и при этом появились кое-какие звезды.

А. Т. Ф. исходит из презумпции, что ни при каком частном солнечном затмении никакие звезды видны быть не могут. А. Л. Пономарев указывает, что такие яркие звезды, как Вега, Денеб и Альтаир, могут быть и видны (замечу, что при затмении на небе почти всегда должна быть и Венера, которая еще много ярче, а в части случаев также и Юпитер). Таким образом, даже если рассказ Фукидида о появлении кое-каких звезд совершенно точен, вывод А. Т. Ф. о том, что затмение было полным, оказывается необоснованным.

Но и в том случае, если бы презумпция А. Т. Ф. была верна, его вывод всё равно не был бы единственно возможным. Чтобы понять это, здесь следует вновь обратиться к филологической стороне проблемы. Анализ древнего сообщения не ограничивается собственно лингвистическими вопросами; должны быть рассмотрены и вопросы литературоведческого характера. Какова литературная манера данного автора? Не имеет ли он обыкновения смещать или переставлять свои рассказы об отдельных событиях для большей эффектности композиции? Склонен ли он описывать повторяющиеся события с помощью однотипных формул? И так далее. Фукидид — писатель, а не протоколист. Его сочинения обладают многими художественными достоинствами, невозможными при чисто протокольной фиксации фактов. Описывая затмение, тем более уже несколько отдаленное во времени, писатель, конечно, может для усиления художественного эффекта добавить от себя какие-то детали (типа появления звезд), известные по другим затмениям. В летописях детали подобного рода могли появляться также при позднейшем редактировании.

Из расхождений между списком затмений по данным астрономии и по данным древних источников естественно сделать вывод, что некоторые древние сообщения о затмениях либо неточны (или дошли до нас с искажениями), либо неправильно нами истолкованы. А. Т. Ф. делает совершенно другой вывод: просто мы в корне заблуждаемся относительно того, в какую эпоху произошло описанное в источнике затмение. Так, согласно А. Т. Ф., описанное Фукидидом затмение произошло не в 431 г. до н. э., а в 1039 г. нашей эры (поскольку по астрономическим данным затмение 431 г. до н. э. в Афинах было не полным, а частным); соответственно, надо “передвинуть” весь древний мир на много веков ближе к нам. Более того, он представляет читателю этот вывод почти как математическую очевидность. Между тем в действительности вывод А. Т. Ф. целиком покоится на следующих скрытых от читателя презумпциях: 1) Фукидид описал затмение протокольно точно; 2) автор вывода (т. е. А. Т. Ф.) правильно решил стоявшую перед ним филологическую задачу, а именно, истолковал текст сообщения Фукидида безошибочно. Как мы видели, первое необязательно верно, а второе определенно неверно.

Этот пример может служить также хорошей иллюстрацией того более общего положения, что, вопреки расхожему представлению, активно эксплуатируемому авторами НХ, использование математических методов в некоторой науке само по себе еще вовсе не гарантирует какого-либо реального прогресса в этой науке. Как мы уже говорили, математик может применить свои методы, скажем к истории, не раньше, чем он решит для себя целый ряд частных вопросов содержательного характера, возникающих у него уже на этапе отбора материала для последующей математической обработки. Если этот предварительный этап своей работы (не математический!) он провел неквалифицированно (не говорим уже о том катастрофическом случае, если предвзято), то полученный им в дальнейшем математический результат, пусть даже совершенно безупречный, останется не более, чем математическим упражнением, из которого, ввиду недоброкачества исходных данных, для реальной науки истории не следует ровно ничего.

В ответ на критику его лингвистических и филологических построений А. Т. Ф. заверяет читателей, что эти построения не имеют принципиального значения для его теории, никогда не используются для доказательства чего-либо важного и предназначены лишь для выяснения отдельных деталей в рамках теории, принципиальные положения которой якобы уже независимым образом доказаны математически. Судите сами, насколько эти заверения соответствуют действительности, если, например, даже одна лишь та филологическая ошибка А. Т. Ф. (в интерпретации текста Фукидида), которая описана выше, означает развал “астрономического доказательства” новой хронологии, поскольку новая датировка указанного затмения — это один из главных столпов такого доказательства. Поверить, что ценность математических результатов, достигнутых А. Т. Ф. при анализе сообщений древних письменных памятников, не зависит от правильности интерпретации текста этих памятников, могут только те, кто полагает, что математика — это такая волшебная наука, которая умеет получать верные выводы из неверных исходных данных.

Далее я уже буду рассматривать открытые обращения А. Т. Ф. к вопросам лингвистики и филологии. К сожалению, здесь я вынужден сразу же прямо и безоговорочно заявить: лингвистические и филологические построения А. Т. Ф. находятся на уровне самого примитивного и невежественного дилетантизма. Лингвистические ошибки, которые допускает А. Т. Ф., столь грубы, что в математике им соответствовали бы, например, ошибки в таблице умножения.

Полупопулярный характер книги НХ не может здесь служить никаким оправданием: в популярном изложении позволительны определенные упрощения, но никак не грубые ошибки.

Язык — обманчивая материя. “Человеку с улицы”, владеющему с детства некоторым языком, в большинстве случаев не приходит в голову, что он еще не всё знает об этом языке. Он решительно не понимает, зачем существует еще такая наука лингвистика. Как это ни поразительно, А. Т. Ф. находится в этом отношении именно на уровне рядового “человека с улицы”.

Рассматривать весь легион лингвистических абсурдов А. Т. Ф., разумеется, бессмысленно. Ограничимся лишь немногими.

Вот рассуждение, которым авторы НХ подкрепляют свой тезис о том, что Лондон прежде стоял на Босфоре: «Мы считаем, что первоначально “рекой Темзой” назывался пролив Босфор... По поводу Темзы добавим следующее. Это название пишется как Thames. События происходят на востоке, где, в частности, арабы читают текст не слева направо, как в Европе, а справа налево. Слово “пролив” звучит так: sound. При обратном прочтении получается DNS (без огласовок), что может быть воспринималось иногда как TMS — Темза» [НХ 2: 108].

Человек, знакомый хотя бы с начатками науки о языке, конечно, просто не поверит, что эта галиматья может быть написана всерьез. “Это пародия? Для капустника?” — спросит он³.

Для недостаточно знакомых следует дать пояснения. Кстати, уже на одном этом примере мы познакомимся сразу с несколькими фундаментальными лингвистическими принципами, которыми пользуются авторы НХ, как то: “существенны только согласные”; “на востоке слова читают задом наперед”; “письменная форма слова исходна, устная — вторична” и др.

Что касается принципа “существенны только согласные”, то сами авторы дают по этому поводу следующее разъяснение: «В древних текстах названия и имена сплошь и рядом употреблялись “без огласовок”, т. е. без гласных — лишь в виде “костяка” из согласных. В то время, в прошлом, гласные при чтении текста добавлялись по памяти. Естественно, с течением времени гласные путались, забывались, заменялись на другие и т. п. Согласные, записанные на бумаге, были устойчивее» [НХ 1: 19].

Из этого пассажа ясно, что авторы кое-что знают о письменностях семитских народов — таких, как финикийская, древнееврейская, арабская. В этих письменностях действительно в наиболее употребительном варианте письма записываются именно согласные (что находится в определенной связи с особенностями структуры семитских языков, ср. ниже сноску 6), хотя всё же наряду с некоторой частью гласных. Уточним, что это касается всех вообще слов, а не только названий и имен, и происходит отнюдь не только в древних текстах, но и теперь. Однако главное то, что к другим письменностям, например, греческой, латинской, русской, английской и т. д., этот принцип не имеет никакого отношения (условные сокращения, типа *kg* = килограмм, разумеется, не в счет). Без этой существеннейшей оговорки формулировка “в древних текстах” вводит в жестокое заблуждение. Между тем авторы совершенно свободно применяют этот принцип к любым языкам, например, как мы видели, к английскому. Мы находим у них даже следующее прямое заявление:

³ Признаюсь, я сам не могу до конца отделаться от мысли, что для А. Т. Ф. его сочинения на гуманитарные темы — это забавный, хотя и изрядно затянутый, фарс, мефистофелевская насмешка математика над простофилями гуманитариями, наука которых так беспомощна, что они не в состоянии отличить пародию от научной теории. Если это так, то главные кролики этого изысканного эксперимента — его (А. Т. Ф.) последователи.

«Например, древнеславянский текст, это тоже цепочка согласных, иногда даже без “огласовочных знаков”...» [НХ 2: 84]. Это заявление, мягко говоря, не имеет ничего общего с действительностью⁴: во всех древних славянских памятниках гласные регулярно пишутся (условные сокращения не в счет), а “огласовочные знаки” славянскому письму вообще неизвестны. Заметим, что одного такого заявления в книге лингвиста было бы достаточно, чтобы и книга и автор сразу же попали в категорию не заслуживающих доверия. Но авторы НХ, к счастью, не лингвисты.

Сведение слова к “костяку из согласных” — один из постоянных лингвистических приемов А. Т. Ф. Вот, например, о Литве: «Скорее всего, термин Литва происходит от “латиняне” = ЛТН (Литуания)» [НХ 1: 269]. А вот о турках: «... слово “турки” очень близко к слову “троянцы” и “франки” (один и тот же корень ТРК, ТРН)» [НХ 2: 207]. Ни литовцы, ни латиняне, ни турки, ни троянцы, ни франки к семитским языкам не имеют отношения. То, что А. Т. Ф. позволяет себе называть “корнем”, никоим образом не соответствует действительным корням упомянутых слов в соответствующих языках. На игнорировании гласных основано также приводимое в НХ десятки раз сопоставление, на котором держится одно из центральных положений “нового учения”: *монголы* — греч. ‘великие’ (по А. Т. Ф. — МЕГАЛИОН; в действительности *μεγάλοι*). В средневековом греческом языке ‘монголы’ — *μουγγόλοι* (*ou* = [y])⁵. Но в греческом языке невозможно родство двух слов, различающихся тем, что одно содержит гласные *ε* – *α*, а другое *ou* – *ov*. Одного этого достаточно, чтобы данное сопоставление стало невозможным (отвлекаемся от того, что оно невозможно также и по ряду других лингвистических причин).

Рассуждение о том, как читают “на востоке”, особенно сильно заставляет подозревать, что авторы над нами просто смеются. По А. Т. Ф., если имеется последовательность букв SND, то араб читает ее как DNS.

Если так, то, наверное, *Москва* у арабов — *Авксом*, *Новгород* — *Дорогвон*. Видимо, арабы пишут в одном направлении, а читают в противоположном. Нет, пожалуй, не так: они, наверное, все-таки и пишут и читают справа налево. Но дело в том, что некоторые арабы знают русские или английские буквы. А то, что их надо читать слева направо, им в голову не приходит. Видят надпись НОВГОРОД, ну и читают, как привыкли: ДОРОГВОН. И пошло гулять новое слово. Дойдет и до России, и там тоже, глядишь, многие начнут называть Новгород Дорогвоном.

Читатель ошибется, однако, если сочтет весь этот эпизод за случайный ляпсус. Свое открытие, что на востоке выворачивают слова наизнанку, А. Т. Ф. использует многократно (причем применяет его к любым словам любых языков, а отнюдь не только восточных). Вот, например, о Самаре: «Само название “Самара”, в обратном (арабском) прочтении — “А-Рамас” означает “Рим”, “столица”» [НХ 1: 361]. Кстати, вы ведь уже понимаете, что *А-Рамас* и *Рим* — это одно и то же, потому что “костяк согласных” здесь РМ (конечно, пришлось еще отбросить С в *А-Рамас*; но

⁴ Вообще в НХ много фактических ошибок разной степени серьезности. Но мы не считаем нужным каждый раз на них останавливаться, поскольку на фоне всего остального они уже не имеют большого значения.

⁵ Поясним, что для рассматриваемых слов (или их частей) мы приводим, как это принято в лингвистике, их письменную форму курсивом, их фонетическую транскрипцию (т. е. запись звучания) — в квадратных скобках, их значение — в одинарных кавычках (‘ ’). В книгах А. Т. Ф., которые мы цитируем, естественно, в точности по оригиналу, всё это оформляется иначе, но, к сожалению, совершенно непоследовательно.

поскольку тождество Самары и Рима всё равно уже очевидно, то неужели нельзя пренебречь одной буквой?).

Далее. Приведенные нами выдержки из НХ демонстрируют также полное непонимание того, как соотносятся письмо и звуковая речь. Это непонимание характерно едва ли не для всех лингвистов-любителей и составляет их заметнейшую отличительную черту. Прописная истина языкознания состоит в том, что язык существует независимо от того, есть для него письменность или нет. И поныне в мире множество бесписьменных языков, а уж о древней эпохе нечего и говорить. Язык передается от поколения к поколению через устное общение. Принцип А. Т. Ф. ("элементы звукового состава слова, не фиксируемые на письме, путаются, забываются") применим только к мертвому письменному языку, т. е. такому, на котором сохраняются (и, возможно, даже создаются) письменные тексты, но нет общенародного устного общения. Неслучайно А. Т. Ф. ссылается в этой связи именно на мертвый (до его "воскрешения" в XIX в.) язык — иврит [НХ 2: 83–85]. К живым языкам этот принцип не имеет никакого отношения. Если бы он был верен для живого языка, то бесписьменный язык вообще не имел бы никаких шансов сохранить сходство со своим древним состоянием. В действительности же, например, лужицкие языки, не менее пяти веков прожившие в бесписьменном состоянии в немецком окружении, сохранили тесное сходство с другими славянскими языками; цыганский язык до сих пор в существенных чертах сходен с индоевропейскими языками Индии, из которой некогда вышли его носители; и вообще родственные бесписьменные языки сохраняют сходство между собой ничуть не хуже, чем письменные.

У А. Т. Ф., в противоположность всему накопленному лингвистикой опыту наблюдения над функционированием и изменением языков, приоритет всегда принадлежит письменной форме слова, а не устной. Например, по его представлениям, люди всегда знакомятся с новым словом в его письменном виде; кто-то неправильно его прочел — и пожалуйста: слово изменилось. Над тем, как функционирует бесписьменный язык, ему, по-видимому, вообще не доводилось задумываться. Принцип приоритета письменного (и в особенности печатного) слова, между прочим, позволяет А. Т. Ф. выдвинуть следующий замечательный тезис, революционизирующий всю историческую географию: «Еще раз повторяем одну из главных наших мыслей: в средние века (до начала книгопечатания) географические названия и имена народов перемещались по карте, следуя при этом за перемещающимися документами (народы же, в основном, оставались на тех же местах, где они и жили, и где живут сегодня). С места на место перемещались лишь воинские отряды, владетельные князья, их двор и т. д. Они не могли существенно изменить этнический состав тех мест, куда они приходили... Но (и это важно!) они везли с собой архивы, книги, документы, а именно они давали потом названия народу, месту, городу, реке и т. п. Древние названия забывались. Те, которые мы помним сейчас, возникли в 15–17 веках ИЗ ДОКУМЕНТОВ (в той их локализации, в какой их застала книгопечатная эпоха). С распространением печатных карт названия более или менее застыли» ([НХ 1: 183–184]; ср. также [НХ 2: 28, 195–197]).

Надеюсь, читатель теперь уже понимает, что Темза переехала к Мраморному морю не по безумию, а по новой науке. В самом деле, представьте себе, например: живет неграмотный рыбак у реки, называет ее, допустим, Дон. Ну откуда же его сын будет знать, как ее называть, если он никогда не видел ее названия в записанном виде (да он еще вдобавок тоже неграмотный)? Но вот в их краях появился

новый, пришлый правитель. Местных жителей он, правда, не согнал, своими людьми не заменил, но прислал чиновника с документами и с картой, который им разъяснил: это река Москва. Трудность, конечно, в том, что рыбак неграмотный, а со слуха как запомнишь? Наверно, приходилось много лет подряд посылать чиновника снова и снова.

“Ну хватит уже придумывать нелепости”, — скажете вы. Тогда послушайте самих авторов, которые рассказывают нам историю названия *Монголия*. Это название «покинуло свое первоначальное место в Русско-Ордынской империи и двинулось, — лишь на бумаге, — то есть на романовских картах, — на далекий восток. При этом существенно уменьшаясь в размерах. Наконец, оно остановилось над территорией современной Монголии. Исконные жители этой области и были (на бумаге!) назначены, тем самым, “быть монголами”» [НХ 1: 401–402]. Эх, кабы китайцам в свое время познакомиться с учением А. Т. Ф.! Не надо было бы строить Великую Китайскую стену — сотни миллионов человеко-лет труда бы сэкономили: ведь никаких страшных монголов вблизи от них, оказывается, не было!

Огромную роль в построениях А. Т. Ф. играют сближения слов (т. е. сопоставления с целью показать их родство или какую-то иную историческую связь). Этот род лингвистической деятельности мы встречаем чуть ли не на каждой странице. Имеется в виду, что каждое такое сближение подтверждает какую-нибудь из идей ревизии истории (многие из этих идей ничем, кроме таких сближений, и не подкреплены). К сожалению, в подавляющем большинстве случаев эти сближения элементарно неверны.

Начнем с того, что, говоря о словах, авторы НХ обычно не уточняют, о словах какого языка (и тем более какой эпохи) идет речь. Дело не в том, что они не сообщают этого читателю. Они и сами об этом не задумываются и, как это ни дико для лингвиста, явно не считают это особо существенным. Язык выглядит в их построениях как некая более или менее однородная субстанция, разлитая по всем странам и эпохам. Такому впечатлению сильно способствует и то, что слова любых языков, кроме английского, обычно записываются в НХ без особых церемоний русскими буквами и внешне выглядят пусть как диковинные, но русские.

Разумеется, в русской транскрипции как таковой никакой беды нет, особенно в книге с популярным уклоном. Но за ширмой упрощенной транскрипции авторы сами не видят того, что в действительной фонетике соответствующего языка дело иной раз обстоит и не так, как в русском. Вот яркий пример. В рассуждении о библейском термине *Рош* авторы пишут: «Средневековые византийцы были уверены, что в этом месте книги Иезекииля речь идет о РУССКИХ и писали не “князь Рош”, а прямо — “князь Рос”» [НХ 1: 149]. Как мы видим, замена *ш* на *с* является в глазах авторов сильным аргументом в пользу их идеи. Увы, перед нами элементарная лингвистическая безграмотность. В греческом языке, на котором написаны упоминаемые сочинения, вообще нет звука [ш]! Никакого иного способа передать звук [ш] других языков, скажем древнееврейского, как в данном случае, кроме как через *σ* (в русской транскрипции — *с*), у греков нет. Например, древнееврейское имя *Šālōmōn* (*š* = [ш]) ‘Соломон’ заимствуется греками в виде *Σολομών*, древнееврейское *Yēšūa* ‘Иисус’ — в виде *Ἰησοῦς*, аккадское (ассиро-вавилонское) название *Aššur* ‘Ассирия’ — в виде *Ἀσσυρία*.

Надо признать, что при английском слове А. Т. Ф. иногда дает помету “английское”, но это не мешает тому, что английские слова — разумеется, в современном произношении, отнюдь не в средневековом — у него неким недоступным банально-

му уму образом оказываются актуальными для жизни любых стран и эпох, скажем, для средневековой России, Византии, Аравии. Так, например, когда авторы заявляют о связи библейского слова *Рош* со словом *Русь*, то они считают относящимся к делу и то, что «слово Россия пишется, например, по-английски как *Russia* и читается как *Раша*, т. е. это все тот же *Рош*» [НХ 1: 149]. А вот что говорится про мусульманскую эру — хиджру, или геджру (авторы называют ее “геждра”): «По-арабски название звучит так: *hiġra*, по-английски: *heġira* или *hejira*». Далее авторы обсуждают происхождение этого слова и, в частности, пишут: «Кроме того, слово “*heġira*” может быть слиянием двух: *Гог* и *эра* (напомним: *эра* = *ega*), т. е. могло просто означать “эра Гога”, или “эра Готов”, эра “Монголов”» [НХ 1: 208]. Как видите, без английского языка арабам не удалось бы даже как-то назвать свое летосчисление. Поясним, что с точки зрения тех арабов, которые еще не знают учения А. Т. Ф., *hiġra* (*ġ* = [дж]) ‘переселение пророка Мухаммеда (Магомета) из Мекки в Медину’ — это обычное арабское слово *hiġra* ‘переселение, эмиграция’ (от корня HĠR ‘расставаться’, ‘переселяться’) в специализированном значении и так же, как переселение пророка, обозначается и сама мусульманская эра, началом которой является это переселение.

Нужно ли говорить, что вездесущность английского языка всё же бледнеет по сравнению с вездесущностью русского. Русские слова — иногда в открытой, иногда в замаскированной форме — просто пронизывают весь Старый Свет. Например, А. Т. Ф. открыл, что библейское *Черное море* (т. е. Красное море: в древнерусском и церковнославянском *чермный* значит ‘красный’) — это Черное море [НХ 2: 161]. На всех других языках названия этих двух морей звучат совершенно по-разному; но ведь по-русски-то почти одинаково! Согласно А. Т. Ф., *скот(т)ы* (жители Шотландии) — то же, что *скифы*; как он нам объясняет, свидетельством в пользу этого является то, что скифы разводили *скот* [НХ 2: 110]. А. Т. Ф. сообщает нам, что в эпоху папы Григория VII «в Риме появляется некий патриций по имени Иоанн Кресцентий — явное видоизменение евангельского имени Иоанн Креститель» [НХ 2: 252]. Конечно, по-латыни между *Joannes Crescentius* и *Joannes Baptista* ‘Иоанн Креститель’ общего мало, но кто же мешал им в Риме читать евангелие по-русски?

Все-таки есть кое-что и приятное в постоянстве законов истории: вот, например, сейчас нормальному человеку из языков, если говорить честно, ничего, кроме русского и английского, не требуется — и в прежние времена в общем-то так же было.

Значение слова у А. Т. Ф. тоже не привязано так уж жестко к какому-нибудь определенному языку. Если, например, по-гречески βασιλεὺς значит ‘царь’, то какое может быть сомнение, что и по-русски слово *Василий* значит то же самое: «Само слово “Василий” означает попросту “царь” (= базилевс)» [НХ 1: 294]. Это дает А. Т. Ф. возможность разгадать то, что фальсификаторы надеялись скрыть навеки: *Василий Блаженный* — это *Блаженный Царь*; это был вовсе не московский юродивый, а так именовался в конце жизни не кто иной, как Иван Грозный (точнее, первый из тех четырех царей, которые, как открыл А. Т. Ф., в сумме составляют Ивана Грозного). А, например, *туркмены* — это, конечно, просто ‘турецкие мужчины’, ‘турецкие люди’: *турк-мен-ы* [НХ 1: 407].

Короче говоря, не смущайтесь, если вы не поняли, в каком именно языке происходили все те замечательные явления, которые привели к превращению пролива

⁶ В арабском языке (и других семитских) корень состоит из согласных (обычно из трех), а гласные выражают различные грамматические значения.

(*sound*) в Темзу, — в английском или в “восточном”. Авторы не придают этому пустяку решительно никакого значения.

Обратимся теперь к технической стороне сближений. Созвучия слов обладают могучей силой эмоционального и эстетического воздействия. Это один из строевых элементов поэзии. Если два слова по звучанию похожи, значит, между ними должна быть какая-то связь — это наивно-поэтическое ощущение бывает у каждого ребенка, а многие сохраняют его и во взрослом возрасте. Древние тексты содержат множество примеров наивно-поэтического осмысления слов, в особенности собственных имен. Ср., например, в Библии: «И нарек Адам имя жене своей: Ева (по-древнееврейски *Ḥawwā*), ибо она стала матерью всех живущих (*hāy*)» (Бытие, 3, 20); «Не потому ли дано ему имя: Иаков (*Ya'aqōv*), что он запнул меня (*ya'qavēnī*) уже два раза?» (слова Исава, которого Иаков дважды перехитрил, — Бытие, 27, 36) и много другого подобного.

Занятия наивной этимологизацией, т. е. поисками происхождения слова, при которых человек даже не задумывается о необходимости каких-то специальных знаний, а просто “вслушивается” в звучание слова, — вещь довольно распространенная. Для большинства тех, кто этим увлекается, это просто игра, но есть и немало лингвистов-любителей, которые принимают это свое занятие всерьез; некоторые из них даже пишут пухлые сочинения на эту тему. Контакт с профессиональными лингвистами эти люди как правило не любят.

Как это ни прискорбно, авторы книги НХ неотличимы от этой категории любителей. Они с детской наивностью убеждены, что если два слова (неважно, того же языка или разных) сходны по звучанию, то можно без всяких предварительных проверок смело утверждать, что одно из них произошло из другого или что по крайней мере они связаны родством или какой-то иной неслучайной связью. Авторы НХ не знают или не хотят знать, что уже двести лет существует научная дисциплина, разрабатывающая методы отличения родственных слов от случайно созвучных, — сравнительно-историческое языкознание.

Здесь не место пересказывать учебники. Но всё же укажем, хотя бы упрощенно, то, что принципиально важно. Фонетический облик слов изменяется не хаотически и не в индивидуальном порядке для каждого слова, а путем регулярных фонетических изменений. Регулярность изменения, скажем, звука [б] в звук [в] состоит в том, что если оно вообще происходит, то оно охватывает все [б] во всех словах данного языка. Каждое конкретное фонетическое изменение ограничено определенным языком и определенным периодом его истории. Родственные языки, вследствие того, что они испытали разные наборы регулярных фонетических изменений, оказываются связаны между собой регулярными фонетическими соответствиями, например: англ. *th* — нем. *d* (*this* — *dies*, *then* — *denn*, *feather* — *Feder*, *bathe* — *baden* и т. д.). Родство двух слов из родственных языков проявляется не в том, что они звучат одинаково, а в том, что различия в их звучании подчинены правилам фонетических соответствий.

От отношения родства двух слов лингвисты отличают отношение заимствования. Заимствование возможно как из родственного языка (скажем, слово *ксёндз* заимствовано из польского), так и из неродственного (скажем, слово *харакири* заимствовано из японского). Фонетические соотношения между словом языка-источника и словом языка-восприемника подчиняются иным правилам, чем при родстве, но и здесь это не просто совпадение звучаний.

Проверяя возможность сближения слова *a* (языка *A*) и слова *b* (языка *B*), лингвист прежде всего обязан сделать выбор между гипотезой о родстве *a* и *b* и гипотезой о заимствовании. Если принята гипотеза о родстве, то проверяется, соблюдены ли правила фонетических соответствий, связывающих *A* и *B*. Если принята гипотеза о заимствовании, то сперва должно быть определено направление заимствования. Допустим, это направление из *A* в *B*. Тогда для каждой из фонем⁷ слова *a* проверяется, должна ли она при наложении на систему фонем языка *B* быть заменена именно той фонемой языка *B*, которую мы видим в слове *b* (излагать техническую сторону этой проверки здесь неуместно); исследуется также вопрос о том, не подверглось ли слово *b* в ходе истории языка *B* специфическим дополнительным преобразованиям, характерным для заимствованных слов. Во всех случаях, когда из истории соответствующих языков для слова *a* и/или *b* известны их более ранние формы, объектом проверок служат именно эти ранние формы, а не современные. В случае, если значения слов *a* и *b* различны, необходимо, кроме того, произвести дополнительную семантическую проверку с целью установить, могло ли одно значение развиться из другого (или оба — из некоторого третьего). Если гипотеза о связи *a* с *b* прошла все эти проверки успешно, необходимо сравнить ее со всеми теми конкурирующими гипотезами, которые тоже успешно выдерживают такие проверки, с тем, чтобы установить, имеются ли у данной гипотезы преимущества перед остальными и насколько они весомы.

В книге НХ не обнаруживается никаких следов знакомства с этими основными принципами исторической лингвистики.

“Этимологическим словарем русского языка” М. Фасмера ныне уже научились пользоваться тысячи русских людей самых разных профессий, интересующиеся происхождением русских слов. Но не наши авторы. Предлагая свои дикие этимологии, они, за исключением одного-двух случаев, просто игнорируют М. Фасмера: чем, в самом деле, М. Фасмер со всеми его рутинными параллелями из других языков, ссылками на памятники, словари, специальные исследования и т. п. так уж надежнее их самих?

Иногда под свое нежелание считаться с существующей лингвистикой авторы даже пытаются подвести некую теоретическую базу. Так, в связи с вопросом о заимствованиях они пишут: «Вообще, вопрос о том — “кто у кого заимствовал слова”, в современной лингвистике определяется исключительно на базе принятой сегодня традиционной хронологии. Ее изменение сразу меняет и точку зрения на происхождение и направление заимствования тех или иных слов» [НХ 1: 387]. Понятно, что существующую историческую лингвистику можно не принимать во внимание, коль скоро ее выводы опираются на нечто иллюзорное. К сожалению, перед нами не более, чем очередное столь же невежественное, сколь и высокомерное заявление. В действительности в лингвистике направление заимствования вообще не определяется на базе какой бы то ни было абсолютной хронологии. Оно определяется на основе того, в каком из двух языков слово является, образно говоря, инородным телом и в каком — естественным. Ср. латинское *october* и древнерусское *октябрь*: в латыни это прозрачное производное от *octo* ‘восемь’ — ‘восьмой месяц (по счету от марта)’; в древнерусском же в этом слове нельзя выделить никакого понятного корня и вдобавок сочетание *кт* на том этапе истории языка в собственно славянских словах еще не встречается; вывод: направление заимствования было из латыни.

⁷ Для нашего изложения достаточно считать, что лингвистический термин “фонема” есть просто некоторое уточнение понятия “звук языка”.

Точно таким же путем устанавливается направление заимствования, например, в паре «русск. кашне — франц. *cache-nez* (буквально: 'спрячь нос')» или в паре «русск. закуска (где легко выделяются понятные приставка, корень и суффикс) — франц. *zakouski*».

Как мы уже говорили, используемый в профессиональной лингвистике способ сближения слов книге НХ чужд. Вместо этого используется бесхитростный критерий “внешнего сходства”. Посмотрим же, в каких случаях авторы готовы считать два слова внешне сходными. Чтобы не критиковать каждое из приводимых ниже сближений по отдельности, сразу же предупредим, что лингвистически правильного среди них нет ни одного.

В некоторых примерах из НХ внешнее сходство действительно велико, скажем, *Батый* — *батя*, *Мамай* — *мамин*. Но если бы авторы ограничивались только такими примерами, их лингвистическая деятельность быстро остановилась бы. В подавляющем большинстве случаев они удовлетворяются весьма приблизительным сходством. Не мешают сходству, в частности, любые различия внутри следующих “групп сходства”: *с – з – ш – ж*; *б – в*; *в – ф*; *ф – т*; *т – д*; *к – х – г*; *к – ч – с*; *г – з – ж*; *ч – ш – щ*; *р – л*; *н – м* (список в действительности еще неполон). Например: *гуз* (тюркское племя) — *гузь*; *Сибирь* — *север*; *враг* (*ворог*) — *варяг* — *фряг*; *Щек* — *чех*; *кир* — *сир* — *царь*; *улус* — *Русь*. Гласные вообще большого значения не имеют. Приятно, конечно, когда и гласные похожи, но если нет, то для А. Т. Ф. никакой проблемы тоже нет: в этом случае надо просто рассматривать только “костяк согласных”, о котором уже шла речь выше.

Для авторов не имеет никакого значения, относится ли сравниваемая часть слова к корню или к суффиксу. Например, *Irish* ‘ирландский’ (корень *Ir-* + суффикс *-ish*) и *Russia, Russian* — согласно НХ, одно и то же: у них одинаковый “костяк” RSH [НХ 2: 114]. И этого замечательного сравнения для А. Т. Ф. достаточно, чтобы Россия и Ирландия (в названиях которых, если не считать *-ия*, совпадает одно только *p*) оказались одной и той же страной (в прошлом). Еще один пример (доказывающий на сей раз тождество Египта и Рима): если верить А. Т. Ф. [НХ 2: 218], в Библии Египет называется по-древнееврейски *Миц-Рим*, что вслед за Н. А. Морозовым А. Т. Ф. переводит как ‘высокомерный Рим’ (нас уже, конечно, больше не должно удивлять, что сравнение здесь опирается на русское название *Рим*, а не на латинское *Roma*). В действительности библейское название имеет вид *Miṣrayim*, где *Miṣr-* — ‘Египет’, а *-ayim* — окончание двойственного числа: первоначальный смысл названия — ‘два Египта’ (Нижний и Верхний).

Всё-таки трудно не вспомнить из Гоголя: «Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай». Здесь ведь уже есть всё: и сама грандиозная идея отождествления разных стран, и, главное, метод, которым оно достигается.

Если даже все указанные степени свободы, вместе взятые, всё-таки не дают желаемого результата, то авторы НХ могут еще прочесть слово задом наперед. Это будет называться “в арабском прочтении”: см. выше *Самара* = *А-Рамас*. Можно, вообще говоря, и комбинировать: часть букв переставить, а часть нет, например, *Хорезм* — это, согласно А. Т. Ф., не что иное, как *Кострома*. Отдельными согласными можно при нужде и пренебречь. Возможны и другие вольности сверх всех указанных.

Для наглядности приведем еще несколько иллюстраций, где можно видеть разнообразие сочетания описанных выше механизмов сопоставления: «Рюрик — это

просто другая форма старого русского имени Гюргий, т. е. Георгий — Юрий» [НХ 1: 196]; Хан Хулагу — «это снова имя Георгий — Гургу, видимо, весьма распространенное среди потомков Чингиз-Хана Георгия» [НХ 1: 224]; «Но само слово “еврей” — это церковно-славянское слово и означало оно, как показывает анализ его употребления в средневековых текстах, — “жрец”, “священник”. Это просто одна из форм слова “иерей”» [НХ 2: 204–205]; «Кстати, имя Ахилл может означать противник французов: А-ГАЛЛ» [НХ 2: 293]; «Английское слово остров сегодня пишется так: island. Но что означало оно в древности? Что если это Asia-Land, т. е. азиатская страна, т. е. страна, расположенная в Азии? Без огласовок мы имеем: asialand = SLND, island = SLND, т. е. это — одно и то же слово!» [НХ 2: 95]; «Anglo-Sax — Angel Isaac» [НХ 2: 126] (имеется в виду византийский император Исаак Ангел); «герцог» = «Ксеркс» [НХ 2: 208]; «Имеются яркие звуковые соответствия: КРИШНА — ХРИСТОС, КРИШНА ХАРЕ РАМА (молитва кришнаитов) — ХРИСТОС КИР (ЦАРЬ) РИМСКИЙ...» [НХ 2: 239].

Иногда (очень редко) авторы считают уместным пояснить, почему они приравнивают один звук к другому. Например, они пишут [НХ 1: 102]: «Не есть ли “город Теревовль” попросту искажение “города Тверь”? Звук “Б” часто переходит в “В” и тогда без огласовок, имеем: ТРБ – ТВР». (О том, что перестановка согласных — законная операция, мы уже знаем; часть *-овль* в данном случае авторам не понадобилась). Нет даже нужды уточнять, в каком языке. Просто: “часто переходит”.

Заметим от себя: в русском языке [б] вообще никогда не “переходит” в [в]. Фонетическое изменение [б] в [в] имело место, в частности, в истории греческого языка; соответственно, буква β читалась в древнегреческую эпоху как [б], а в византийскую — как [в]. В определенных позициях такое же изменение произошло в истории, например, французского и итальянского языков. Авторы скорее всего опираются в своем утверждении на соотношение типа русск. *Барбара* — англ. *Barbara*, русск. *алфавит* — англ. *alphabet*, которое определяется тем, что в западноевропейских языках в словах, заимствованных из греческого (в данном случае через латинское посредство), отразилось древнегреческое произношение буквы β, а в русском — ее византийское произношение. Если западноевропейское слово заимствовано в русский, то уже в рамках русского языка может возникнуть соотношение типа *варвар* — *барбаризм* (лингвистический термин). Но к исконным русским словам (и вообще любым русским словам, не восходящим к греческому) всё это не имеет никакого отношения.

Приведенный пример (как, впрочем, и ряд других, уже рассмотренных выше) может служить наглядным образцом всей фоменковской научной логики в сфере лингвистики и истории. “Явление *P* в примерно таких, как у нас, случаях иногда бывает, не правда ли? Почему бы не предположить, что оно имеет место и в нашем случае?” Соответствующая научная дисциплина давно выяснила, при каких именно условиях имеет место *P*. Но А.Т.Ф. не желает об этом знать: это бы лишило его свободы мысли.

В арифметике это выглядело бы, например, так: “Квадрат числа часто оканчивается на ту же цифру, что и само число, не правда ли? Вот, $1 \times 1 = 1$, $5 \times 5 = 25$, $6 \times 6 = 36$. Почему бы не предположить, что $7 \times 7 = 47$?”

Читателям, чувствительным к математической стороне любой проблемы, предлагаю самим посчитать, хотя бы приблизительно, сколько произвольных последовательностей русских букв должно быть признано по фоменковской методике сходными, допустим, со словом *Русь*. Напомню, что при установлении сходства разрешается: 1) отбрасывать все гласные; 2) переставлять согласные; 3) отбрасывать одну

согласную; 4) приравнивать одну согласную к другой в рамках перечисленных выше “групп сходства”. (Читатель легко может убедиться в том, что выше в материале из НХ встречались примеры всех названных преобразований). Число получится внушительное, не правда ли? Конечно, в реальном языке далеко не всякая последовательность букв образует слово. Но всё-таки слов в любом языке очень немало — если считать и имена собственные, то сотни тысяч. А ведь можно брать слова для сопоставления не из одного языка, а из самых разных. Вот и оцените теперь, сколько примерно слов (разных языков) А. Т. Ф. имеет право при своей методике связать со словом *Русь*.

Он воспользовался этим правом очень скромно, а именно, связал со словами *Русь*, *русский* слова: *улус* [НХ 1: 163] (согласно А. Т. Ф., из этого слова слово *Русь* и произошло); *Рош* (название страны в Библии) [НХ 1: 138]; *Irish* (англ.) ‘ирландский’ [НХ 2: 114]; *Роß* (нем.) ‘конь’ («Мгновенно возникает ассоциация слова *Ross* с русскими: руссы = люди на конях, всадники, казаки!» [НХ 1: 135]); *Пруссия*, *прусы* (по А. Т. Ф. *Пруссия* = *П-Россия* [НХ 1: 402]); *Сар-* (в составе названий *Сарай*, *Саранск*, *Саратов*, *Чебоксары* и др.) и *царь* («Скопление названий типа *САР*, или *РАС*, *РОС* в обратном прочтении, мы видим сегодня ИМЕННО В РОССИИ, И ИМЕННО ВОКРУГ ВОЛГИ: *Саранск*, *Саратов* и т. п. По-видимому, имя *САР*, т. е. *РОС*, зародилось именно здесь, а затем превратилось в *ЦАРЬ* и распространилось в 14 веке на запад и на юг... А потом попало и на страницы Библии» [НХ 1: 404]).

Как всё-таки жаль, что такое большое количество не менее достойных кандидатов на родство с Русью оставлено (по крайней мере в НХ) без внимания! Например, *гус* (лат.) ‘деревня’. Правда, это сближение уже произвел А. С. Пушкин (“Евгений Онегин”, эпиграф к главе второй), но он ошибочно полагал, что это шутка, поэтому как научный конкурент он не в счет и плагиата тут не было бы. А еще: *русый*, *Руса*, *Руза*, *русалка*, *рысь*, *russus* (лат.) ‘красный’, *rosse* (франц.) ‘кляча’, *ours* (франц.) ‘медведь’, *Ruß* (нем.) ‘сажа, копать’, *rosvo* (финск.) ‘разбойник’, *Руслан*, *Руссо*, *Руссильон*, *суровый*, *сор*, *сэр*, *Сура*, *Саар*, *Сирия*, *Ассирия*, *Уссури*, *эт-руск*, *зу-лус*, *Г-Рузия*, *Пе-Рсия*, *Ие-Русалим*, *Та-Руса*, *ту-русы*...

А сколько других отождествлений, которые так и просятся в “новое учение”, А. Т. Ф. всё-таки упустил! Почему бы не предположить, например, что Венеция — это Винница, Парма — это Пермь, Лукка — это Великие Луки, Кёльн — это Клин, Глазго — это Глазов, Верден — это Бородино...

Сближения слов, переполняющие страницы НХ, служат авторам для того, чтобы по-новому объяснить происхождение того или иного слова, т. е., говоря техническим языком лингвистики, предложить для него новую этимологию. К сожалению, все эти этимологии носят ярко выраженный любительский характер; в частности, все приведенные выше из НХ примеры сближений, как мы уже предупреждали, попросту неверны. “Но почему вы беретесь так категорически судить? — может спросить читатель. — Разве не является любое суждение о происхождении слова всего лишь гипотезой? Чем же одна гипотеза так уж хуже другой?”

Едва ли не самое существенное отличие любителя от профессионального лингвиста состоит в том, что для любителя каждый факт языка существует по отдельности, без связей с остальными; например, с каждым словом может происходить что-то свое. Напротив, для лингвиста каждое слово — это член многих классов слов; например, русское слово *завод* входит в класс слов с начальным [з], в класс слов с постоянным ударением на корне, в класс существительных мужского рода, в класс слов, образованных по такой-то морфологической модели, в определенный

семантический класс и так далее. Строя гипотезу о происхождении конкретного слова, лингвист ставит ее в зависимость от того, какими свойствами обладают целые классы слов, куда данное слово входит, и что с ними происходило в ходе истории. Поэтому в своих предположениях он неизмеримо более ограничен, чем любитель. Любитель же совершенно свободен: в его счастливом неведении ничто не мешает ему предложить для слова первое пришедшее ему в голову объяснение (ср. выше очаровательное по простодушию «Мгновенно возникает ассоциация...»).

Попытаюсь на примерах показать тем, кто далек от лингвистики, чем отличается лингвистически обоснованная этимология от любительского угадывания по принципу “а почему бы не предположить и такое?” Разумеется, я буду вынужден упрощать: полное лингвистическое обоснование рассматриваемых этимологий включало бы еще анализ показаний древних памятников и родственных языков и многое другое.

В НХ [1: 226] читаем: «Вот откуда пошли МУСУЛЬмане — от названия города Мосул в Малой Азии». Тем, что Мосул находится в Месопотамии, а не в Малой Азии, пренебрежем. В НХ не объясняется, что значит часть *-мане*, но судя по указанию, что *туркмены* — это ‘турецкие мужчины’, за ней стоит всё тот же МЭН, т. е. это ‘мосульские мужчины’. Сравним эту смелую новую этимологию с традиционной. По-арабски ‘мусульманин’ — *muslim(un)* (окончание *-un* может в определенных условиях отпадать). В арабском языке это слово несомненно исконно, поскольку для араба оно совершенно прозрачно: *mu-* — приставка, *SLM* — корень, *i* между *L* и *M* — носитель определенного (довольно сложного) грамматического значения. Буквальное значение — ‘покорный (подразумевается: Богу)’, ‘вручающий (Богу) свою целостность и невредимость’. Корень *SLM* ‘быть целым и невредимым’, ‘быть в безопасности’ — тот же, что, например, в *salām(un)* ‘мир’, ‘безопасность’, *islām(un)* ‘ислам’ (буквально: ‘покорность’). Добавим к этому, что арабское название Мосула — *al-Mawṣil(u)* (буквально: ‘узел, точка связи’, от корня *WṢL* ‘связывать’) — содержит другое “С”, чем *muslim(un)*, а именно, фонему *ṣ*, а не *s*, так что фонетическое совпадение здесь происходит только в русской передаче, но не в самом арабском. Арабское *muslim(un)* было заимствовано, в частности, персидским, где оно получило (с присоединением персидского суффикса *-ān*) вид *musilmān*, *musulmān*; отсюда татарское и казахское *musulman* и далее русское *мусульмане*. В русском языке *-ан-* было осмыслено как тот же суффикс, что в *горожане*, *молдаване*, *христиане* и т. п.; отсюда окончание *-е* во множ. числе и форма *мусульманин* в единств. числе.

Еще один пример: «Само название Яро-славль, вероятно означало когда-то “Славный Яр”. Яр — это название места с определенным рельефом. Это было “Славное Место”, где торговали. Естественно, здесь возник крупный город, наследовавший имя “Яро-Славль”» [НХ 1: 158]. Сравним и здесь с традиционной этимологией. *Ярославль* — первоначально притяжательное прилагательное мужского рода от имени *Ярослав*, т. е. это ‘Ярославов’ (подразумевается: город). По этой модели образованы названия многих древнерусских городов, например, *Переяславль*, *Мстиславль*, *Ростиславль* (ныне *Рославль*). Предположение, что слово *Ярославль* могло первоначально обозначать ‘славный яр’, лингвистически безграмотно: словообразовательная модель “основа существительного + основа прилагательного, от которой отсечен суффикс *-н-*, + суффикс *-ль*” не представлена в русском языке ни единым примером. Более того, она противоречит общим принципам образования сложных слов в русском языке — как древнем, так и современном (но чтобы точно сформулировать эти принципы, необходим некоторый лингвистический аппарат, который нет смысла здесь приводить). Напротив, сложное слово *Ярослав* (имя) построено в полном соответствии с принципами древнерусского словообразования

(но *яр*- здесь не от *яр* 'крутой берег, круча, обрыв', а от прилагательного *ярый*). Первоначальное значение этого имени — 'обладающий яркой (мощной) славой'. По этой модели построено значительное число других старинных русских слов, в том числе имен, например: *Ярополк* (первоначально: 'обладающий ярым (яростным) войском'), *пустодом* 'тот, у кого дом пустой', 'плохой, незапасливый хозяин', *златоуст* 'красноречивый человек' (буквально: 'обладающий золотыми устами') и т. п. Такая этимология имени *Ярослав* активно поддерживается также тем, что обе части этого имени хорошо представлены и в других древних славянских именах, ср. *Ярополк*, *Яромир*, *Ярогнев* и др., *Святослав*, *Доброслав*, *Вячеслав*, *Мстислав* и др.

Разбирать далее поштучно этимологическую продукцию А. Т. Ф. незачем. Скажу коротко: с точки зрения серьезной лингвистики ее ценность равна нулю.

Ту же цену, естественно, имеют и все те построения исторического характера (например, отождествление некоторых двух стран, народов, городов и т. п.), которые целиком опираются на лингвистический аргумент — сходство соответствующих названий. Лишаясь лингвистического прикрытия, эти построения предстают в своем подлинном виде — как чистое гадание. К научному исследованию они имеют примерно такое же отношение, как сообщения о том, что автор видел во сне.

Не следует думать, впрочем, что лингвистические открытия А. Т. Ф. касаются только таких частных вопросов, как происхождение того или иного слова. Как и при ревизии истории, в вопросах лингвистики он предпочитает действовать с подлинным революционным размахом, не мелочась. В мясорубку фоменковской научной революции идут целые языки и целые письменности.

Мы узнаём, например, что еврейским (= древнееврейским) языком называлось прежде не что иное, как греческий язык, записанный египетскими иероглифами. Цитируем: «Итак, наша гипотеза состоит в следующем: 1) "Еврейский язык", упоминаемый в церковных текстах — это просто иероглифическая система записи греческого языка. Это — письменность, а не устный язык. При переходе с еврейского языка на греческий изменилась лишь система письменности. Устный язык остался, естественно, прежним. 2) Множество текстов на исходном еврейском языке было высечено на камне и сохранилось до сих пор. Это — египетские иероглифы, которыми покрыты огромные площади стен древнеегипетских храмов (т. е., по нашей гипотезе, нудо-христианских и христианских храмов 10–15 веков)» [НХ 2: 199].

Шампольон, расшифровавший — как мы думали до А. Т. Ф. — египетские иероглифы, не заметил, что за этими иероглифами стоит просто греческий язык. Не заметили этого за двести лет и все последующие египтологи: составляли толстые словари и грамматики, корпели над переводом текстов — а всего-то надо было взять с полки греческий словарь! А. Т. Ф., конечно, не изучал сколько-нибудь серьезно ни египетских иероглифов, ни древнеегипетского языка, ни древнееврейского, ни древнегреческого (во всяком случае в НХ нет никаких следов такого изучения). Но зато ведь он открыл, как мы уже видели, что слово *еврей* — это то же, что *иерей* (разумеется, в русском языке, сфера действия которого, как известно, с успехом покрывает и Египет, и Палестину, и Грецию); а отсюда уж рукой подать до слова *иероглиф*. Какое же после этого иероглифическое письмо, как не еврейское?! Разве один этот аргумент не перевешивает всей традиционной рутины? И вообще, разве один абзац А. Т. Ф. не перевешивает пуды трудов всех этих копошащихся в мелочах филологических муравьев?

Позволим себе не входить в обсуждение этого великого переворота одновременно в египтологию, гебраистику и эллинистику. Выразим лишь восхищение скром-

ностью авторов НХ, которые, имея такие беспредельные возможности, ограничились отменой (или склеиванием воедино) всего нескольких языков, а множество других на радость традиционалистам оставили как есть.

Тезис о вселенской фальсификации письменных памятников

Рассмотрим теперь некоторые проблемы (лингвистические и иные), связанные с фоменковской концепцией происхождения древних письменных памятников.

Согласно А. Т. Ф., на Руси нет ни одного списка ни одной летописи, который был бы написан раньше знаменитой Радзивилловской летописи, — по той простой причине, что все прочие списки прямо или опосредованно списаны с нее; сама же Радзивилловская летопись изготовлена кенигсбергскими немцами к моменту проезда Петра I через Кенигсберг.

Правда, Радзивилловская летопись написана на бумаге с водяными знаками (филигранями) 80–90-х годов XV в. Но А. Т. Ф. это не смущает. По его мнению, немцы могли просто взять запасы старой бумаги, чтобы подделка была правдоподобнее [НХ 1: 48]. А главное, объясняет он нам, датировки филиграней привязаны к традиционной (“скалигеровской”⁸) хронологии, следовательно, филигранные вообще нельзя использовать для датирования в ситуации, когда вся традиционная хронология поставлена под сомнение.

Мы не будем здесь распутывать весь этот клубок нелепостей всерьез. Отметим лишь немного.

«Насколько нам известно, — пишут авторы НХ, — летописей, написанных на пергаменте, вообще не существует (во всяком случае, нам не удалось найти упоминания о таких летописях в литературе)» [НХ 1: 45]. Для аргументации авторов это обстоятельство существенно, поскольку на пергаменте писались русские книги XI–XIV вв., а в течение XV в. он постепенно почти полностью выходит из употребления, уступая место бумаге; отсутствие пергаментных летописей должно подтверждать их версию о позднем происхождении всех русских летописей.

Действительно, авторам известно не всё: Синодальный список Первой новгородской летописи и Лаврентьевская летопись написаны-таки на пергаменте. Но самое впечатляющее свидетельство степени научной добросовестности авторов и их уважения к читателю мы находим на стр. 391 того же тома их собственной книги, где в цитируемых авторами выдержках из Н. А. Морозова, посвященных Лаврентьевской летописи, значится: «Это рукопись на пергаменте». Да ведь и то сказать: откуда же в самом деле авторы могли знать, когда они писали 45-ю страницу, что они напишут на 391-й?⁹

Авторы не сообщают читателю о том, что филигранные XV в. стоят не только на Радзивилловской летописи, но и на ряде других летописных списков, а филигранные XVI и XVII вв. — уже на десятках таких списков. Выходит, что многочисленные писцы, переписывавшие Радзивилловскую летопись (в XVIII в., как говорит нам А. Т. Ф.), тоже были не так просты: прежде, чем начать писать, они обзаводились несколькими сотнями листов бумаги 200-летней давности (а уж где ее взять, это бы-

⁸ По имени ученого XVI в. Ж. Ж. Скалигера, разработавшего приемы пересчета различных древних летоисчислений на юлианский календарь.

⁹ Вообще книга НХ написана очень небрежно: изложение все время перескакивает с одной темы на другую, масса повторов, полный беспорядок в форме подачи разбираемых слов, приводимые названия нередко перевраны (например, вместо *Хольмгард* дается *Хольмград*, пишется то *Кенигсберг*, то *Кенигсберг*, вместо *геджра* регулярно пишется *геждра*, вместо *тамба* — обычно *тама* и др.). Но смешно говорить о таких мелочах, когда речь идет о революции в науке.

ло их дело). А ссылка на “скалигеровскую” хронологию, из-за которой филиграни якобы вообще непригодны для датирования, — это, увы, элементарная подтасовка: ведь речь здесь идет не о древнем мире, а о XV–XVIII веках, а даже по собственным словам А. Т. Ф. после XIV в. датировки событий в Европе “стали достоверными”.

Что касается тезиса о том, что все прочие летописи списаны с Радзивилловской, то он мог родиться только у человека, никогда не имевшего дела с серьезной текстологией. А. Т. Ф. в очередной раз высокомерно игнорирует существование целой научной дисциплины — в данном случае текстологии. Между тем эта дисциплина располагает чрезвычайно скрупулёзной методикой установления филиации рукописных списков (т. е. последовательности, в которой одни списки списывались с других). Серьезная текстология с полной надежностью показывает, что Радзивилловская летопись является лишь одной из ветвей более ранней летописной традиции. Абсолютная непрофессиональность утверждений А. Т. Ф. на эту тему проявляется, в частности, в том, что он путает “Повесть временных лет” (доходящую лишь до 1110-х годов) с полным содержанием Радзивилловской летописи (доходящей до 1206 г.). О списывании, скажем, Ипатьевской летописи с Радзивилловской вообще не может быть и речи (даже если забыть о том, что в Ипатьевской летописи филиграни примерно на 70 лет старше, чем в Радзивилловской), поскольку на протяжении XII в. их сообщения совершенно различны — по выбору упоминаемых событий, объему (Ипатьевская летопись подробнее) и стилю.

Понятно, что с отменой “первородства” Радзивилловской летописи рухнет и вся фоменковская картина русского летописания. Имеет смысл, однако, отдельно разобрать следующий общий тезис, провозглашаемый А. Т. Ф. и кардинально необходимый для всех его построений: в истории как России, так и многих других стран имела место массовая фальсификация памятников письменности.

По концепции А. Т. Ф., сколько-нибудь достоверная история России начинается только с XIV в. Всё, что было до этого, практически неизвестно: это “темные” века. Люди, которые, согласно летописям, жили в эти века, в действительности никогда не существовали. Правители — это “дубликаты”, т. е. фантомы, литературные тени, реальных правителей, живших на четыре века позже, прочие лица — чистая выдумка. Из событий, которые мы привыкли относить к этой эпохе, малая горсточка — это тоже “дубликаты” позднейших событий русской истории, вся масса прочих — плод либо аберрации, либо сознательной фальсификации со стороны тех, кто в XVII–XVIII веках сочинял русские летописи.

Но как быть с древними актами и книгами, где выставлена дата, а нередко еще и имя правящего князя? Например, в Остромировом евангелии указана дата 6565 (“от сотворения мира”; это 1057 г. нынешнего летосчисления) и имя князя: Изяслав. В Святославовых изборниках указаны даты 6581 (1073 г.) и 6584 (1076 г.) и имя князя: Святослав. Ведь эти записи согласуются с летописью, где сказано, что в 1054–73 гг. правил Изяслав, а в 1073–76 гг. — Святослав. Для XI–XIII вв. таких записей не очень много, но некоторое количество всё же есть. “Что за проблема? — с легкостью ответит нам А. Т. Ф., — откуда мы знаем, что все эти даты истинны? Всё можно подделать, а уж выставить ложную дату — проще всего”.

Идея фальсификации (прямой подделки или тенденциозной переделки уже существующего текста) является, наряду с идеей всеобщего беспамятства народов, одним из двух главных рычагов фоменковского объяснения того, как человечество впало в совершенно ложные представления о своем прошлом. Фоменковский мир населен фальсификаторами, как босховский мир чудовищами. А уж профессия ис-

торика и профессия мошенника — в глазах А. Т. Ф. почти одно и то же. Если верить А. Т. Ф., в XVII–XVIII вв. в России действовала едва ли не целая государственная служба фальсификаторов истории, которые уничтожали или искажали до неузнаваемости сотни и тысячи старых письменных свидетельств и сочиняли фиктивную историю, заказанную властью. И, конечно, по концепции А. Т. Ф., подобное происходило не только в раннеромановской России, но (тогда же или несколько раньше) также и во многих других странах.

Я не берусь здесь обсуждать деликатный вопрос о том, везде ли и всегда ли отношения книжников с властью были таковы, что по указке власти они с готовностью садились за сочинение фиктивной летописи. Меня интересует совершенно другой, вполне технический вопрос: мог ли такой книжник выполнить эту задачу успешно, т. е. так, чтобы его продукция не оказалась потом шита белыми нитками.

Нет никакого сомнения, что практика фальсификации письменных документов существовала и существует. Среди исторических документов ее объектом почти всегда являются акты, дающие право на собственность или на титулы. Как известно, среди старых русских актов выявлено — по разным признакам — некоторое число “подложных” (т. е. поддельных). В отношении некоторых актов ведется дискуссия — подлинные они или подложные. Но коль скоро этот вопрос решается без полной очевидности, то почему не предположить, что акт, который мы считаем подлинным, — это просто более искусная, чем остальные, подделка? Возможно ли это? Да, в принципе возможно — особенно если фальсифицировано только содержание акта (скажем, кому именно даруется нечто), а дата истинная или не очень сильно отличается от истинной (скажем, в пределах полувека). Если же мы имеем дело не с рядовым, а с гениальным фальсификатором, то он может обмануть нас и гораздо сильнее.

Но раз такое всё же возможно, то почему не допустить и версию А. Т. Ф., который предполагает массовую фальсификацию? Почему не допустить, в частности, что имеющиеся ныне памятники XI–XIII вв., т. е., по А. Т. Ф., “темного” доисторического времени, как раз и сфальсифицированы? Попробуем представить себе эту ситуацию несколько яснее.

Прежде всего, фальсификаторы должны были изобрести древнерусский язык XI–XIII вв. Как мы знаем сегодня, этот язык отличался не только от русского языка XVII в., но даже и от языка XIV в. “Да ровно ничего вы, лингвисты, на самом деле не знаете, — скажут фоменковцы, — вы просто принимаете за древнерусский язык XI–XIII вв. именно то, что эти фальсификаторы XVII в. выдумали”.

Такая версия может удовлетворить только людей, никогда не задумывавшихся над тем, какой колоссально сложный и деликатный механизм представляет собой язык. Это верно для любого языка, взятого в определенный момент его существования. И эта сложность еще многократно возрастает, если речь идет о жизни языка на протяжении многих веков. За это время язык испытывает непрерывное постепенное изменение: каждый его элемент проходит определенную эволюцию, сложным образом сопряженную с эволюцией всех прочих элементов. Картина осложняется еще и тем, что внутри языка существуют многочисленные диалектные различия.

Вот единичный пример (для упрощения даем письменные формы, а не фонетическую транскрипцию; даты огрублены): словоформа ‘шлю’ выглядит в новгородском диалекте древнерусского языка в XI и 1 четв. XII в. как *сьлю* (буква *ъ* передает здесь особый редуцированный, т. е. ослабленный, гласный звук); во 2–4 четв. XII и 1 пол. XIII в. как *сьлю* или *сю*; во 2 пол. XIII и 1 пол. XIV в. как *сю* или *шлю*; во

2 пол. XIV в. и позднее — как *шлю*. И таких строк в принципе можно выписать по числу словоформ (которых сотни тысяч), умноженному на число диалектов (разумеется, на делеистики языка пользуются не такими “атомарными” записями, а определенными обобщающими формулами). Приведенный пример иллюстрирует фонетическую эволюцию. Но эволюционирует также и морфология, синтаксис, словарный состав.

По многим десяткам параметров памятники древнерусского языка XI–XIII вв. обнаруживают на протяжении этого периода плавную кривую эволюции (которая продолжается затем в последующие века). В частности, именно в этот период происходит самое важное фонетическое изменение в истории русского языка — исчезновение редуцированных гласных (одним из проявлений которого является, например, приведенный выше переход *сьлю* в *сю*). Некоторые слова, грамматические формы, окончания и т. д. на протяжении этого периода бесследно исчезают, так что человеку не только XVII, но и XIV века они уже неизвестны. Простой пример: древние имена *Изяслав*, *Брячислав*, *Всеслав*, *Ярополк*, *Доманег*, *Ратибор*, *Рожнет* и множество подобных в летописях встречаются только в сообщениях X–XIII вв., но не позднее. (Из этого еще не следует, однако, что фальсификаторы XVII в. могли бы такие слова и формы и такие имена просто выдумать из головы: их реальность подтверждается современным сравнительным языкознанием, учитывающим данные всех древних и новых славянских языков и диалектов).

Еще один непреодолимый барьер для версии о массовой фальсификации составляют начертания букв — предмет палеографии. Формы букв, подобно языку, с течением времени медленно изменяются. Знание этих изменений позволяет датировать документ — обычно с точностью до 50–100 лет. Так, например, палеографический анализ берестяных грамот XI–XV вв. выявил в начертаниях различных букв более 300 элементов, которые проходят за эти пять веков ту или иную эволюцию и тем самым заключают в себе определенную хронологическую информацию. Фальсификатор XVII в., подделывающий рукопись, допустим, XIV в., непременно должен держать перед глазами образец подлинного письма XIV в. и срисовывать каждую букву, причем даже и в этом случае только исключительно талантливые воспроизведут все начертания без искажений. А для “темных” веков он должен сам изобрести более ранние формы всех букв, но так, чтобы эволюция каждой из них при их последующем анализе в XX в. оказалась плавной. При каждой подделке он должен твердо помнить, какой век и какую его половину он подделывает, и пускаться в ход строго определенные начертания из тех, которые он изобрел.

Помимо палеографии, хронологическую информацию несут еще графика (т. е. сам инвентарь используемых букв) и орфография. Например, фальсификатор должен был бы изобрести (и далее уже неуклонно соблюдать в своей практике) правило о том, что буква *ж* (один из способов записи звука [y]) употребляется в рукописях только до начала XII в. и после конца XIV в., а в промежуточное время не употребляется, или о том, что от века к веку определенным образом изменяется характер распределения на письме *оу* (еще один способ записи для [y]) и *у*, букв *о* и *ω*, букв *и* и *і*, и много-много другого в этом роде.

Допустить, что всю эту картину раннего древнерусского языка и его постепенной эволюции от памятника к памятнику, вместе с параллельной эволюцией палеографии, графики и орфографии, могли искусственно создать фальсификаторы XVII в., можно лишь ровно в той же мере, как то, что дети в детском саду, играя детальками и проволочками, могут собрать компьютер.

Ну а теперь напомним, как происходит изготовление Радзивилловской летописи в изложении авторов НХ. «Ее изготовили в Кенингсберге в начале 18 в., по-видимому, в связи с приездом туда Петра I и непосредственно перед этим приездом» [НХ I: 74]. Кое-что брали из какой-то «действительно старой летописи 15–16 веков», а всё, что требовалось по их замыслу, сочиняли сами. Делали это, естественно, немцы¹⁰. А что? Почему бы в самом деле немцам не овладеть для такого случая древнерусским языком и палеографией? Времени у них, правда, было маловато. Авторы НХ красочно описывают обстановку их труда: «Кенингсбергские мастера спешно готовили рукопись к приезду Петра в Кенингсберг. Как всегда, в таких случаях объявляется аврал. Петр уже въезжает в город, а они еще не закончили миниатюры! Вбегает разгневанный чиновник, требует прекратить работу с миниатюрами...» и т. д. [НХ I: 73]. Короче говоря, действовали в типичной немецкой манере. А смотрите-ка, не так плохо получилось: за двести с лишним лет ни один лингвист не заметил никакой ни палеографической, ни орфографической, ни грамматической, ни стилистической фальши — не догадались даже о том, что это вышло из-под руки иностранца!

Представим себе теперь, что вопрос о подделке письменных памятников стоит не для древнерусского языка, а для латыни, и не для трехвекового интервала, а для периода в две тысячи лет — от середины I тысячелетия до н. э., когда появляются первые памятники на латыни, примерно до середины II тысячелетия н. э. За это время живая (народная) латынь развилась в целую группу родственных языков (романских), с множеством диалектов внутри каждого из них. Кроме того, литературная латынь в почти застывшей форме продолжала использоваться в Западной Европе в качестве языка официальных документов, религии, летописания, науки. Эта ее форма тоже не оставалась неизменной, но здесь изменения во времени были не столь радикальны (они в основном касались лишь словарного состава языка). На латыни до нас дошло громадное количество рукописей и надписей, причем значительная их часть относится (разумеется, по традиционным представлениям) ко времени ранее II тысячелетия н. э. Сюда входит как обширная художественная, религиозная и научная литература, например, сочинения Плавта, Цезаря, Горация, Вергилия, Тацита, отцов церкви и бесчисленного количества других авторов, так и официальные и деловые документы всех типов и всевозможные надписи. Ныне усилиями очень большого числа филологов и лингвистов этот громадный материал в наиболее существенных чертах изучен (хотя работы остается еще чрезвычайно много). Открылась картина плавного изменения языка от века к веку по сотням параметров. При этом одна цепочка изменений, прослеживаемых по письменным памятникам, приводит от народной латыни, скажем, к гасконскому диалекту французского языка, другая к кастильскому диалекту испанского языка, третья к венецианскому диалекту итальянского языка и т. д. по всем языкам и диалектам. Особая цепочка изменений отражает движение литературной латыни от классической формы к средневековой.

Бросим взгляд еще и на латинские стихи. В классической латыни стихосложение основано на ином принципе, чем в любых современных европейских языках: для него существенно различие кратких и долгих гласных, например, *a* — *ā*, *i* — *ī*, *u* — *ū* (на письме это различие в нормальном случае не отражается). Не зная, какая глас-

¹⁰ Вспомним всё из того же Гоголя: «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается».

ная во взятом слове долгая и какая краткая, нельзя правильно построить даже и одной стихотворной строки (а до нас дошли тысячи страниц античных стихов). Между тем в ходе эволюции латыни различия гласных по долготе утратились. В романских языках от них остались лишь косвенные следы (в каждом языке свои); например, латинское долгое *i* в итальянском языке превратилось в *i*, а латинское краткое *i* — в *e* (в действительности большинство правил такого рода имеет гораздо более сложную структуру). Чтобы достичь той картины, которую мы сейчас реально наблюдаем, средневековый фальсификатор должен был бы: 1) изобрести для латыни особый принцип стихосложения, отличный от стихосложения всех известных ему живых языков; 2) составить реестр всех латинских слов с указанием долготы или краткости каждой гласной каждого слова и при сочинении стихов уже никогда не отступать от того, что записано в этом реестре; 3) во всех случаях, когда долгота или краткость гласной оставила какой-то след в романских языках, принять для реестра именно то решение, которое согласуется с показаниями романских языков (последнее, конечно, требует ни много ни мало знания сравнительной грамматики романских языков, разработанной в XIX–XX вв., не говоря уже о самих принципах сравнительно-исторического языкознания, открытых в XIX в.).

Не будем повторять сказанное выше о палеографии, графике и орфографии.

Таковы контуры того астрономического объема информации и тех способов ее переработки, которыми должен был бы владеть предполагаемый фальсификатор, чтобы предложить миру выдуманную из головы латынь (вместе с текстами на ней), не противоречащую показаниям реальных романских языков.

Но даже и это еще не всё. Если латынь — это изобретение средневекового фальсификатора, то он несомненно должен был знать сравнительную грамматику не только романских языков, но и всей индоевропейской семьи языков в целом. Дело в том, что, придумывая латынь, он ввел в нее множество слов и грамматических форм, которые не оставили никаких следов в романских языках, зато находят правильные соответствия в том или ином языке из других ветвей индоевропейской семьи. Например, он придумал для латыни весьма непростую систему склонения существительных, включающую шесть падежей и пять типов склонения (с подтипами), с многочисленными чередованиями в основах и с целым рядом индивидуальных отклонений различного рода. В романских языках ничего этого нет: существительные здесь вообще не склоняются (если не считать небольших остатков прежней системы склонения в румынском). Между тем в санскрите (древнеиндийском), древнегреческом, готском, старославянском и других древних индоевропейских языках система склонения организована примерно так же, как в латыни, и очень часто сходится с латинской и в конкретных деталях. При этом совершенно невозможно объяснить такое сходство тем, что изобретатель латыни скопировал эту систему с какого-то одного языка, скажем, с древнегреческого: в латыни обнаруживаются многочисленные элементы, отсутствующие в древнегреческом, но имеющие точные соответствия в каких-то других индоевропейских языках. Из множества возможных примеров ограничимся двумя. В латыни по воле ее изобретателя в винительном падеже единств. числа существительные мужского и женского родов оканчиваются на *-m* (например, *terram* 'землю', *manum* 'руку', *leōnem* 'льва'). Ни в каких других древних или новых языках Европы конечного элемента *-m* в этой форме нет. Зато именно *-m* имеют в этой форме санскрит (например, *vidhavām* 'вдову', *gurum* 'учителя', *rājānam* 'царя') и древние языки Ирана. И тот и другие стали известны в Европе лишь со второй половины XVIII в. Другой пример. Изобретатель латыни, считая за чем-то нужным время от времени приправлять сочиненную им грамматику необъяс-

нимыми исключениями, в качестве одного из таких исключений записал, что слово *fetur* 'бедро' образует косвенные падежи от основы не с *r*, а с *n*: *femin*¹¹. И вот оказывается, что есть индоевропейский язык, где чередование "r в исходной форме — n в косвенных падежах" совершенно обычно. Это хеттский — один из языков Малой Азии II тысячелетия до н. э.; например, хеттское *ešhar* 'кровь' образует косвенные падежи от основы *ešhan*-. Этот язык был расшифрован лишь в начале XX в. Нам ничего не остается, как признать за предполагаемым изобретателем латыни поистине сверхчеловеческое всезнание.

А теперь послушаем на эту тему авторов НХ: «... в 12–13 веках было, по-видимому специально, создано два новых письменных языка... — церковно-славянский и латинский. Они предназначались соответственно для стран Восточной и Западной Европы» [НХ 2: 265]; лишь в 13–15 веках в богослужении греческий язык «был заменен на Западе латинским языком — то есть итальянским, смешанным с греческим» [НХ 2: 183]. Вот так, не больше и не меньше. А вот и о латинских авторах: «... любой древний первоисточник, который не сосредотачивает основного внимания на церковном освещении всех описываемых в нем событий, — это, скорее всего, поздняя историческая беллетристика 15–18 веков... Яркие примеры — Истории Тита Ливия и Корнелия Тацита» [НХ 2: 231].

Что сказать на это? Поистине, как сказано в Книге пророка Даниила: взвешен и найден очень легким.

Далее. Согласно фоменковской схеме, даты и упоминания князей в древнерусских рукописях и актах, традиционно относимых к XI–XIII вв., — сплошь поддельные, выдуманные. Выдуманы и многие более поздние записи, например, многочисленнейшие записи в актах и книгах (в том числе печатных!) XVI в., гласящие, что текст писан (печатан) при царе и великом князе Иване Васильевиче (т. е. том самом Иване Грозном, который создан, как мы знаем от А. Т. Ф., фантазией романовских историков).

Допустим на минуту, что А. Т. Ф. прав: все эти даты придумал фальсификатор конца XVII в. Взглянем же на этого анонимного гения и преклонимся перед ним: он сумел согласовать все эти записи в разных книгах между собой и с выдуманной летописью, сумел четко держать в памяти генеалогии всех своих выдуманных героев, со всеми их братьями, детьми и прочими родичами, приписанные им даты жизни, их размещение по городам и волостям, их выдуманные войны и миры, ложные даты основания церквей, имена никогда не существовавших епископов и т. д. Но он один всё-таки физически не мог изготовить всю необходимую массу поддельных документов. Конечно, работало много людей. Были рядовые исполнители и был штаб, который разрабатывал фальшивую историю и следил за тем, чтобы исполнители не отклонялись от Генерального плана фальсификации. Информация, стекавшаяся в штаб, была необъятной. Россией, конечно, дело не могло ограничиваться. Например, в штаб поступали сведения о том, что в исландских сагах в рассказах о событиях XI в. фигурирует русский конунг Ярицлейв, и надо было придумать фигуру Ярослава Мудрого. А во французских хрониках в XI в. значится королева Анна из Руси, и надо было не забыть сочинить для Ярослава дочь Анну. А еще ведь были и венгерские, польские, немецкие, византийские и прочие хроники. Нельзя же было, например, вставлять в сочиняемые русские летописи упоминания венгерских или

¹¹ Мена гласных *u/i*, в отличие от мены *r/n*, здесь не аномальна: она определяется некоторыми общими правилами латыни.

польских королей наобум — приходилось узнавать их имена и годы царствования из этих хроник. Трудная была работа, но штаб работал на совесть. Тут, правда, надо учесть, что во всех этих странах, как учит нас А. Т. Ф., конечно, действовали и свои фальсификаторы. Так почему бы не предположить, что российский штаб просто согласовывал свои действия с ними? Посылали гонцов с просьбой того из летописи убрать, того на сто лет подвинуть. Ну что тут такого в конце концов?

Но всё-таки самое трудное было не с рукописями. Рукопись подделал и ставь на полку. Сложнее было изготавливать надписи на предметах. Надо было, например, рассылать агентов писать надписи с фальшивыми именами и датами на стенах церквей — в Киев, в Новгород, в Смоленск и много куда еще. Хорошо, если просто приехал и нацарапал. А если в церкви старый пол уже перекрыт новым, на метр или два выше? Штаб понимал: если написать на стене, которая видна сейчас, потомки живо разоблачат — это ведь будет на высоте в два человеческих роста от древнего пола. Приходилось разбирать новый пол, залезать под него, лежа, задыхаясь, писать на стене то, что приказано штабом (не забывая, конечно, соблюдать и палеографию и орфографию заказанного века и диалектные особенности), а потом восстанавливать разобранный новый пол — да не как попало, а так, чтобы будущие археологи ничего не заметили. А сколько возни было со штукатуркой! Ведь напиши по новой штукатурке — и подлог ясен. Надо было ее сбить, написать на голой стене и аккуратненько заштукатурить заново. Зато через триста лет реставраторы снимут штукатурку и наивно обрадуются: “Надпись! Эта уж несомненно древняя!”

И уж совсем беда с надписями, зарываемыми в землю, — скажем, на бересте. Возьмем новгородские берестяные грамоты. В них ведь постоянно обнаруживаются совпадения с летописью. Например, в слоях, которые археологи оценивают как 2 пол. XIV — начало XV в., близ древней улицы, именуемой на старых планах Космодемьянней, найдено несколько грамот, адресованных Юрию Онцифоровичу, — и к этому же времени относится, согласно новгородской летописи, деятельность посадника Юрия Онцифоровича; а в записи к новгородскому прологу (сборнику житий) с датой 6908 (т. е. 1400 г.) Юрий Онцифорович назван в числе бояр Космодемьянней улицы. На том же участке раскопок в слоях 1 пол. XV в. найдены письма к Михаилу Юрьевичу, сыну посадничьему. А в слоях середины XIV в. найден ряд писем к посаднику Онцифору — и по летописи посадничество Онцифора Лукинич (отца Юрия Онцифоровича) приходится именно на этот период. А еще несколько глубже найдено письмо Луки — и по летописи отцом Онцифора был Лука Варфоломеевич. А еще несколько глубже найдено письмо Варфоломея — и по летописи отцом Луки был посадник Варфоломей Юрьевич. Если все эти совпадения обеспечил штаб фальсификаторов, значит, он работал блистательно: подделать берестяные грамоты и закопать их на правильных глубинах было, конечно, куда как нелегко! В XVII в. уже ведь и другие дома стояли на этих местах, надо было иной раз прямо под дом подкапываться (а хозяев, если ворчали, пугать).

Но тут возникает сомнение: а вдруг это не поддельные грамоты, а подлинные? Вдруг их никто специально не закапывал? Ведь по фоменковской схеме XIV век на Руси — это уже историческое время, а не “темное” доисторическое. Но нет, это невозможно: ведь мы знаем от А. Т. Ф., что истинный Великий Новгород был в Ярославле, а затрапезный городишко на Волхове никакой древней истории попросту не имел, он никогда ни с кем не торговал и вообще лежал вдалеке от всех мыслимых торговых путей (см. [НХ 1: 152–153]). Имя Новгород, как говорит нам А. Т. Ф., этот городишко получил потом — примерно таким же путем, как нынешние монголы название “монголы”.

А всё-таки точно ли, что Великий Новгород — это Ярославль? О, да! В чем-то другом еще можно сомневаться, но не в этом. Ведь авторы НХ прямо говорят [НХ 1: 382]: «... мы не настаиваем буквально на всех перечисленных выше идеях, поскольку наше исследование носит пока предварительный характер. Тем не менее есть несколько основных опорных точек, в справедливости которых, как нам кажется, трудно сомневаться». В число этих опорных точек, наряду с тем, что Батый = Иван Калита, Георгий Данилович (брат Ивана Калиты) = Чингиз-хан, “Иван Грозный” — это “сумма” нескольких отдельных царей, и другими пунктами, входит: Великий Новгород = Ярославль.

Разумеется, агенты подкладывали свои фальшивки не только в слои XIV в., но и глубже. Например, фальсификаторы включили в летописный список новгородских посадников конца XI — начала XII в. Гюряту — и было приказано закопать в соответствующих слоях письмо к Гюряте; оно было найдено в 1999 г. (а каким великолепным древнерусским языком написано! — если не знать, то никогда и не догадаться, что поддельное). Они написали в летописи, что в 1142–48 гг. в Новгороде княжил Святополк — и для правдоподобия в слои середины XII в. была подложена грамота с именем Святополка. Они изобрели фигуры князей-мучеников Бориса и Глеба, которые якобы были убиты в 1015 г., а в 1071 г. якобы провозглашены святыми, — и позаботились о том, чтобы в слоях 2 пол. XI в. лежала грамота с упоминанием святых Бориса и Глеба. Агенты занимались еще и тем, что в изобилии закапывали в новгородской земле печати с именами названных в летописи (разумеется, никогда не существовавших) епископов, князей и посадников.

Мы говорим: слои XIV века, слои XI века. Но это просто нынешние археологи так думают. Они, правда, ссылаются на типы находимых предметов и на дендро-хронологию (датирование по годовым кольцам деревьев); но об этих пустяках А. Т. Ф. даже и слышать ничего не хочет. Что на какие глубины закапывать — это в свое время решил штаб фальсификаторов. Археологи считают, что в Новгороде культурный слой нарастал в среднем на 1 см в год. А ведь это просто штаб принял именно такую цифру в инструкции для своих агентов: исходя из этого расчета они и должны были закапывать свои фальшивки. И как замечательно рассчитано: ведь прими штаб цифру 2 см в год — и агенты закапывали бы фальшивые грамоты XI века уже не в культурный слой, а в материковый грунт; тогда археологи XX в. сразу догадались бы, что перед ними фальшивки. Но не надо удивляться: мы уже видели, что штаб фальсификаторов располагал объемом информации, ненамного уступающим Интернету.

Конечно, и после всего этого иной раз зашевелится какое-нибудь сомнение, например: а откуда вообще в затрапезном городишке на Волхове восьмиметровый культурный слой? Но всего не угадаешь. В штабе поумнее нынешних люди были. Наверно, откуда-нибудь привозили — из Ярославля, может быть.

Как ни тяжело было штабу российских фальсификаторов, всё же надо честно признать, что их западноевропейским коллегам было еще тяжелее. Им ведь надо было заполнить поддельными рукописями и ложными указаниями дат целое тысячелетие, выдуманное, как мы знаем теперь от А. Т. Ф., Скалигером. Одних только летописей, напичканных датами, сколько надо было сочинить по-латыни, а сколько разных трактатов, посланий, актов, часто с датами! Ведь нынешние западноевропейские книгохранилища и архивы, да и многие старые монастыри просто ломятся от них. А для имитации последних веков этого фальшивого тысячелетия волей-неволей потребовалось уже сочинять и по-древнеанглийски и по-древневерхненемец-

ки и еще на десятке древних языков. Приходилось целые тайные лингвистические академии держать. Да и с подделкой литературных сочинений тоже были проблемы. Оно, конечно, сочинить стихи Катулла, речи Цицерона или там, допустим, “Энеиду” Вергилия — дело нехитрое: ведь на самом-то деле никакого Катулла не было, поэтому что фальсификатор ни сочинит, то и будет считаться Катуллом. Помнится, правда, со стихосложением были какие-то лингвистические зацепки. Ну а лингвистическая академия на что? Вы скажете: “А талант?” Так ведь и наши труженики тоже не лыком шиты были; а главное, очень старались. Беда только в том, что было еще задание всех этих Цицеронов для вящего правдоподобия надежно друг с другом переплести — взаимными ссылками, цитатами, подражаниями, эпистолами от одного к другому и т. п. И нужно было твердо помнить, что, например, в Марциала можно вставлять ссылки на Катулла, а наоборот нельзя, поскольку в Генеральном плане фальсификации выдуманный Катулл был приписан к I в. до н. э., а выдуманный Марциал — к I в. н. э. Да разве с одними только великими приходилось так возиться? А тысячи второстепенных и третьестепенных! Ведь скольких из них упоминает не один античный автор, а два, три, а то и десять. Всем таким персонажам Генштаб фальсификации обязан был придумать даты жизни и биографию. Поэтому даже стишки какого-нибудь Горация (где постоянно упоминаются различные второстепенные лица) кропать, не сверяясь с базой данных Генштаба, было категорически запрещено! А сколько сил уходило на то, чтобы не было разнобоя в описании деталей всей этой вымышленной древнеримской жизни. Нельзя же было допустить, чтобы каждый включаемый в дело спецлитсотрудник начинал по-своему придумывать, скажем, весь древнеримский пантеон с особыми ритуалами в честь каждого божества, или систему древнеримских государственных должностей, или формулы обращения, или правила гладиаторских боев, или названия знаменитых вин, или устройство римских бань — да этому перечню и конца не видно! Нужно было следить, чтобы спецлитсотрудники всё это брали только из базы данных Генштаба. Вообще согласование всех фальсификационных работ в Западной Европе было делом титаническим. Один только орготдел штаба, наверно, сотни людей насчитывал. Ведь одни католики, другие протестанты, одни кальвинисты, другие англикане; одни чтут папу, другие его проклинаят; монархи капризные, один требует одного, другой совсем другого, всё время то там, то тут между ними войны. А дело-то делать надо!

Ну и, конечно, чудовищные были проблемы с надписями — хуже, чем у русских. Ныне “Корпус латинских надписей” составляет целую полку томов. В нем более ста тысяч надписей. Это сколько же камней надо было изготовить, многие с именами выдуманных консулов и с аккуратно расчисленными датами, да развезти их во все концы якобы существовавшей за полторы тысячи лет до того Римской империи, да вкопать, где надо. А в половине тех мест уже турки, их ведь потруднее уломать, чем домохозяев в Новгороде. А покрыть надписями триумфальные арки, пусть даже и в самом Риме!

Ну а Помпеи! — тут уж ума не приложу, как им удалось под слой вулканического лепла забраться, чтобы покрыть стены надписями. А в этих надписях чего только нет — тут и строчки из Вергилия, тут и непристойности. Уж не сами ли помпеяне писали? Но ведь, как учит нас А. Т. Ф., сочинения Вергилия, как и прочих античных авторов, созданы в средние века, — откуда же тогда его строчки? Впрочем, нет, это не проблема: наверное, и Помпеи засыпало не в 79 г. н. э., а в средние века. Да, но непристойности! Их ведь пишут на уличном языке, а не на древнем поэтическом. Не может быть, чтобы в одно и то же время в Помпеях уличным языком

была латынь, а у Данте во Флоренции — итальянский. Выходит, надписи всё-таки поддельные: иначе ведь пришлось бы учение А. Т. Ф. под сомнение ставить! Видимо, у нас сейчас просто не достаёт воображения, чтобы понять, на какие подвиги были готовы герои Великой фальсификации ради того, чтобы надежнее обмануть потомков.

Не забудем еще и того, что в каких-нибудь отдаленных монастырях, или в горах, или в какой-нибудь Исландии, да мало ли где еще, сидели ведь и не охваченные заговором грамотей, которые могли по простоте писать правду. Могли прямо написать, что-де, скажем, в тысяча двести таком-то году (точную дату знает один А. Т. Ф.) Помпеи засыпало пеплом, — не подозревая о том, что штаб фальсификации записал это событие за 79 годом н. э. Штаб обязан был про все такие сочинения проведать, все разыскать и все экземпляры уничтожить.

Ну да что же мы всё про русских да про западноевропейцев! А мусульманам, например, разве легче было? Одних только генеалогий потомков пророка сколько нужно было сочинить на те 600 или 700 лет, которые отделяют традиционную дату начала мусульманской эры (622 г. н. э.) от той, которую вычислили Н. А. Морозов и А. Т. Ф. И вообще надо ясно понимать: как открыл А. Т. Ф., все без исключения люди и события (в любых странах), относимые по традиции ко времени ранее X века нашей эры, суть фантомы. Так что работы по сочинению наивно принимаемой ныне истории Египта, Месопотамии, Палестины, Индии, Китая и т. д. было поистине неупроченное.

Нет, всё-таки славное некогда жило племя! Мы говорим: фальсификаторы. А ведь можно было бы сказать и иначе: святые. Интеллект безмерный, талантов целые плеяды, труд невообразимый — и при всем этом полное смирение с тем, что о твоей гениальности никто никогда не узнает! Ведь ничего не просочилось! Куда там каким-нибудь масонам — об этих понемногу всё стало известно, вплоть до деталей тайных ритуалов. О нынешних секретных службах и говорить нечего — чуть что перебежит во вражеское государство и подробнее все тайны выложит. Наши герои не так — они и умирали с одной лишь мыслью о нерушимости тайны, не шепнув даже сыну и внуку о своем подвиге. Одних только лингвистических открытий сколько сделали в ходе своей работы — и тщательнейше уничтожили всякую память об этом, чтобы не оставить улики; пришлось в XIX в. всё это открывать заново. А как свято жили между собой! Никто друг другу не завидовал, никаких не было конкурирующих фракций, которые могли бы, обличая друг друга, проговориться. А какая была международная и межконфессиональная солидарность! Она была выше войн и политики, выше религиозных барьеров. Например, после Варфоломеевской ночи фальсификаторы-католики и уцелевшие фальсификаторы-гугеноты в прежней гармонии друг с другом продолжали свой тайный труд. Напрасно А. Т. Ф. унижает наших героев, полагая, что они действовали из угодничества перед властью. Вот, скажем, Григорий Котошихин перебегает в Швецию, всё о России подробнее рассказывает, а о подмене документов, о том, что не было никакого Ивана Грозного, — молчит. Власти меняются: в Нидерландах революция, в Англии революция, во Франции революция — а герои-фальсификаторы повсеместно молчат. Нет, тут не то! Тут святость самого дела — Великой фальсификации, грандиозная цель которой заключена в ней самой: обмануть всех!

Вообще А. Т. Ф. основательно помог нам в понимании истинных стимулов интеллектуальной и художественной деятельности человека. Внушенные нам наивные представления о том, что люди науки всегда стремились познать истину, а люди искусства — реализовать свой эстетический идеал в поэмах, картинах и дворцах, ока-

зался чистой маниловщиной. Как выяснилось из трудов А. Т. Ф., практически во всех странах в течение нескольких веков не один и не два, а сотни и тысячи лучших умов и талантов стремились совсем к другому. Филологи выдумывали из головы искусственные языки, чтобы выдать их за древние. Поэты писали на этих языках под чужими именами прекрасные стихи. Математики вычисляли для филологов точное время затмений двухтысячелетней давности, чтобы те могли вставить правдоподобные рассказы о затмениях в свои подделки под древние сочинения. Монетные мастера десятками тысяч чеканили поддельные греческие, римские, древнерусские, арабские и прочие монеты, виртуозно изобретая для них якобы древние изображения и надписи (но не забывая также их наполовину стереть, чтобы было похоже на естественный износ). Архитекторы по взаимному согласию разбивались на бригады, одна из которых проектировала и строила пирамиды, другая развалины Кносского дворца, третья Парфеноны и Колизеи, четвертая готические соборы и т. д. (и только одной из них доставалась приятная задача строить барочные дворцы, которые были по вкусу современникам этих тружеников). И, конечно, мастера глобальной мистификации не останавливались на этом пути ни перед какими затратами труда и средств. В общем, мы теперь узнали от А. Т. Ф., какую безмерную власть над человеческими душами имеет страсть к мистификации. Что ж, пожалуй, ему действительно виднее.

“Династические параллелизмы”

Коснемся также одной важной темы, которая уже выходит за рамки филологии.

Главным основанием для радикального пересмотра истории разных стран А. Т. Ф. объявляет открытый им “параллелизм династических потоков” (или “династический параллелизм”). Согласно А. Т. Ф., он состоит в том, что на протяжении какого-то хронологического отрезка зафиксированная летописью последовательность правителей определенной страны фактически копирует последовательность правителей той же (а иногда и другой) страны, зафиксированную летописью в совсем другой, более поздний, хронологический период. Из этого А. Т. Ф. делает вывод, что летописная история фиктивна, так как она дважды излагает — под другими именами и с выдуманными вариациями — одни и те же события.

В самом деле, если летопись действительно содержит такое повторение, т. е. длительности правления соответствующих друг другу правителей из двух разных “династических потоков” совпадают и между соответственными царствованиями имеется какое-то хотя бы примерное сходство (в характеристике правителя, его судьбе, происходивших при нем крупнейших событиях), то перед историками, конечно, возникает серьезная проблема: как это объяснить.

А. Т. Ф. постоянно внушает своему читателю, что, в отличие от ряда других его положений, которые суть гипотезы, сам династический параллелизм, открытый им, есть объективный факт. Так, в НХ 1 глава 2, где рассматриваются династические параллелизмы, называется “Два хронологических сдвига в русской истории”, а глава 3 — “Наша гипотеза”. Династический параллелизм выведен, таким образом, из сферы гипотетического. Даже тех, кто ни секунды не верит в фантазмагорическую “ревизованную историю” по А. Т. Ф., проблема династического параллелизма нередко всё же интригует и озадачивает.

Дело, однако же, прежде всего в том, что мало кто дает себе труд рассмотреть “династические параллелизмы”, провозглашенные А. Т. Ф., чуть более пристально.

Следует учитывать, что А. Т. Ф. не требует от провозглашаемых им параллелизмов глубокого и многостороннего сходства между правителем-“оригиналом” и

его “дубликатом”. Например, у них иногда (крайне редко) совпадает имя (А. Т. Ф. такие случаи подчеркнуто отмечает); но в подавляющем большинстве случаев совпадения нет (нет даже сходства), и для признания параллелизма этого совершенно не требуется. Точно в такой же мере принимаются во внимание все прочие возможные параметры сходства (кроме одного) — например, совершенно необязательно, чтобы совпадали место действия, обстоятельства восхождения правителя на престол и его смерти, количество имеющихся у него братьев, жен, детей и т. п., набор главных действующих лиц его правления, история его войн и миров и любые другие важные события, происходившие при нем. Единственное исключение составляет параметр длительности правления: здесь требуется (по крайней мере в идеале) достаточно точное совпадение. Тем самым объявляемый А. Т. Ф. параллелизм фактически основан именно на этом параметре. Все остальные параметры, будучи факультативными, могут лишь изредка добавить какой-то факт, согласующийся со схемой параллелизма, тогда как любые не согласующиеся с ней факты признаются несущественными.

Конечно, крайне трудно, если не невозможно, понять, почему собственно люди, сочинявшие “дубликат” некоторой хроники, которые без всякого стеснения меняли перечисленные выше гораздо более существенные характеристики царствования и свободно придумывали массу дополнительных подробностей самого разного рода, не смели посягнуть ровно на этот единственный параметр. Но ответ здесь заключается не в психологии “дубликаторов”, а в том, что если бы А. Т. Ф. допустил, что и длительности царствований тоже указывались “дубликаторами” по собственному произволу, то его конструкция потеряла бы всякую жесткую (допускающую числовое выражение) опору и превратилась бы в уже ничем не прикрытое гадание. Соответственно, ему пришлось оставить сочинителям “дубликаторам” в море их вранья островок нерушимой честности — длительности царствований¹². Примем же эту игру и посмотрим, как обходится А. Т. Ф. с этим единственным жестким элементом его конструкции.

Рассмотрим главный “династический параллелизм”, определяющий, согласно А. Т. Ф., необходимость пересмотра истории Руси. Утверждается, что история Киевской Руси с 945 по 1174 г. (229 лет) является просто “дубликатом” истории Московской Руси с 1363 по 1598 г. (235 лет). По А. Т. Ф., перед нами «хронологический сдвиг примерно на 410 лет»; соответственно, летописные персонажи X–XII вв. — это просто “дубликаты” реальных персонажей XIV–XVI вв. Приводим звенья этого параллелизма [НХ 1: 97–107] (цитируемые из НХ соответствия помечаем знаком « »).

«Святослав 945–972 (27 лет) — Дмитрий Донской 1363–89 (26 лет)».

«Владимир 980–1015 (35 лет) — Василий I 1389–1425 (36 лет)».

Соответствия выглядят впечатляюще. Но только между Святославом и Владимиром правил еще Ярополк (972–980), который из этой схемы соответствий просто выкинут, поскольку справа ему не соответствует вообще никакого правителя. Мы узнаём, таким образом, что при методике А. Т. Ф. некоторых правителей разрешается и пропускать.

¹² В сущности это лишь частное проявление более общего принципа, ясно выступающего из работ А. Т. Ф.: любое сообщение о любом событии в прошлом в общем случае не заслуживает доверия (из-за забывания, ошибок, намеренной лжи); соответственно, никакое количество сообщений о том, что именно происходило в такой-то стране в таком-то веке, не мешает ему рассматривать этот период данной страны как *tabula rasa*, которую он может свободно заполнять своими догадками. Безусловное исключение составляют, однако, те сообщения, которые удобны для концепции А. Т. Ф.: в них, напротив, заслуживают полного доверия даже мелкие детали.

«Святополк 1015–19 (4 года) — Юрий Дмитриевич 1425–31 (с перерывами 6 лет)».

«Ярослав Мудрый 1019–54 (35 лет) — Василий II Тёмный 1425–62 (37 лет)».

Заметим, что Святополк в действительности правил около года, а затем, через два года, еще около года; но это, конечно, мелочь. Небезынтересен также способ подсчета лет, примененный здесь А. Т. Ф.: годы правления Юрия Дмитриевича посчитаны дважды: один раз для него самого, другой — в составе лет правления Василия Темного. Такое из ряда вон выходящее событие, как ослепление Василия II, не имеющее уж решительно никакого сходства с блистательной судьбой Ярослава Мудрого, всё же немного смущает А. Т. Ф. И он находит ему соответствие — правда, со сдвигом уже не в 410 лет, а в 350 и не среди правителей государства, а среди их второстепенных родственников: оно состоит в ослеплении князя Василька Теребовльского в 1097 г. Мы видим, что методика А. Т. Ф. при необходимости может проявлять завидную гибкость: оказывается, важнейшие события из жизни правителя могут быть скопированы в рассказе вовсе не о его “дубликате”, а о третьем лице.

«Всеволод 1054–93 (39 лет) — Иван III 1462–1505 (43 года)».

Здесь методика поднимается до новой степени свободы, которая производит поистине сильное впечатление. “Всеволодом” названа совокупность следующих княжений четырех разных князей: Изяслав 1054–68, Всеслав 1068–69, Изяслав 1069–73, Святослав 1073–76, Всеволод 1076–77, Изяслав 1077–78, Всеволод 1078–93. Ну просто ни дать ни взять копия правления Ивана III.

«Владимир Мономах 1093–1125 (32 года) — Василий III 1505–33 (28 лет)».

После этой строки идет нечто, где реализована уже совершенно невиданная степень свободы. Согласно летописи, справа здесь следующим должен идти Иван Грозный 1533–84 (51 год). Кто же ему соответствует слева? Вот список из НХ (опускаем даты): «Братья Мстислав и Ярополк (14 лет), Всеволод (7 лет), Изяслав (9 лет), Юрий Долгорукий (9 лет), Изяслав Давыдович и Мстислав Изяславич (в сумме 12 лет)». Но в НХ справа стоит не Иван Грозный: правая часть здесь разбита, как и левая, на пять периодов. Первый из них — “семибоярщина”, а четыре других — это четыре разных лица, которые, как догадался А. Т. Ф., были впоследствии историками романовского периода из политических соображений заменены во всех летописях выдуманным образом единого царя — Ивана Грозного. После этого идет последнее соответствие: «Андрей Боголюбский (17 лет) — Федор Иоаннович (14 лет)».

Итак, методика дошла до своего логического завершения: если данные летописей не обнаруживают ровно никакого параллелизма, то тем хуже для летописей! Значит, просто неверны летописи и надо догадаться, что в них стояло до того, как их исказили. Ведь параллелизм-то уже открыт, не отменять же его теперь! Надо лишь его восстановить, заменив, например, неудобного Ивана Грозного нужным числом изобретенных самим А. Т. Ф. царей — естественно, удобных. Нам остается лишь порадоваться за Ивана III: ведь методика вполне могла бы расчленить также и его, но А. Т. Ф. его помиловал, заменив четвертование Ивана III намного более гуманной акцией — склеиванием четырех князей в одного.

Что уж после этого вспоминать о таких пустяках, как весьма приблизительное равенство длительностей соответственных царствований даже в относительно удачных случаях.

Полезно заметить также следующее. В цепочке чисел, выражающих длины царствований, не все числа одинаково информативны (в математическом смысле). Наименее информативны числа, близкие к средней длине поколения — около 25–30 лет. Это просто наиболее вероятный срок правления отдельного лица. Самыми информативными являются самые длинные сроки — такие, как, скажем, 72 года цар-

ствования Людовика XIV или 64 года царствования королевы Виктории. (Менее информативны малые сроки — в частности, потому, что в периоды смут и междоусобиц они появляются с резко повышенной частотой). Посмотрим с этой точки зрения на приведенный выше “династический параллелизм”. В большинстве благополучных сравнений мы видим именно числа, близкие к 25–30. Как только появляется относительно большое число (43 у Ивана III, 51 у Ивана Грозного), конструкция А. Т. Ф. терпит крах: чтобы ее спасти, ему приходится объявлять летопись фальсифицированной (как в случае с Иваном Грозным) или самому ее фальсифицировать (как в случае со Всеволодом). Не надо быть математиком, чтобы понять, что означает этот факт для оценки достоверности всей конструкции.

Для наглядности сведем воедино реальные, т. е. соответствующие летописям, длительности рассмотренных выше древнерусских правлений (ради упрощения закроем уж глаза на то, что у А. Т. Ф. в первой из цепочек иногда указано по два князя на одно звено, и на некоторые другие детали).

X–XII вв.: 27 – 8 – 35 – 4 – 35 – 14 – 1 – 4 – 3 – 1 – 1 – 15 – 32 – 14 – 7 – 9 – 9 – 12 – 17.

XIV–XVI вв.: 26 – 36 – 6 – 37 – 43 – 28 – 51 – 14.

Соотношение этих двух цепочек чисел мало напоминает равенство, даже приблизительное, не правда ли? Сравните хотя бы количество звеньев в этих цепочках. Вы можете теперь одним взглядом оценить весь масштаб совокупного искажения реальных летописных данных, которое потребовалось авторам НХ, чтобы преподнести нам в своей книге эти две цепочки в виде почти одинаковых. И именно эта достигнутая ловкостью их рук одинаковость ныне служит в учении А. Т. Ф. главным “объективным основанием” всей новой хронологии Руси.

Из других “династических параллелизмов”, провозглашенных А. Т. Ф., видно, что при их построении возможны и некоторые вольности сверх уже отмеченных. В частности, встречается еще и перестановка правителей. Так, согласно А. Т. Ф., в летописном перечне английских королей, — который, как открыл А. Т. Ф., есть не что иное, как дубликат перечня византийских императоров, — должны быть представлены Aethelwulf и Aethelberht [НХ 2: 56]. Чрезвычайно существенна также следующая вольность, объявленная самим А. Т. Ф.: «В том случае, когда для правления какого-либо царя имеется несколько вариантов, мы указываем только один из них, наиболее хорошо укладывающийся в параллелизм» [НХ 1: 95]. Этот принцип отлично помогает найти именно то, что удобно: например, если некто в таком-то году фактически пришел к власти, через 7 лет стал официальным соправителем, еще через 6 лет — официальным единовластным правителем и правил 5 лет, после чего был отстранен от реальной власти и через 2 года умер, то вы имеете полную возможность выбирать для его правления срок от 5 до 20 лет (см. разбор примеров этого рода в построениях А. Т. Ф. в статье [Голубцова, Смирин 1982: 190–191]). Наконец, дополнительные возможности для маневрирования открываются благодаря тому, что, согласно А. Т. Ф., два или более “династических параллелизма” могут накладываться друг на друга: некоторый правитель R_1 оказывается в этом случае, с одной стороны, “оригиналом” правителя R_2 , с другой — “оригиналом” правителя R_3 . Недостаток сходства между R_1 и R_2 может как бы компенсироваться сходством между R_1 и R_3 (в зародышевой форме эту механику можно было наблюдать выше на примере сходства между Василием Темным и Васильком Теревовльским).

Для желающих могу предложить развлечение. Возьмите из книг по истории какие-нибудь два списка правителей (желательно подлиннее) — допустим, египетских фараонов и французских королей. Выпишите длительности царствований. Разброс

чисел будет не слишком велик; в большинстве случаев это будут числа примерно от 10 до 40, особенно часто — от 25 до 30. Конечно, вы без всякого труда сможете найти какую-нибудь пару “фараон — король” с похожим числом. Разницей в 3–4 года (если очень захочется, то и больше) смело пренебрегайте. “Поползав” немного по спискам вверх и вниз, вы непременно найдете и четверку $\Phi_1 - \Phi_2, K_1 - K_2$ (отец — сын среди фараонов, отец — сын среди королей), которая удовлетворит этим не слишком обременительным требованиям. Если “поползати” более основательно, то на каком-нибудь расстоянии от четверки вам попадется еще одна удовлетворительная пара Φ_3, K_3 , а то и целая четверка. Хорошо бы, конечно, чтобы в обоих списках это расстояние было примерно одинаково, но за чрезмерной точностью уж не гонитесь. После этого дистанцию между Φ_1, K_1, Φ_2, K_2 и Φ_3, K_3 смело обрабатывайте по уже известным вам принципам: неудобных выбрасывайте, кого требуется — соединяйте, кого требуется — расщепляйте, кого требуется — переставляйте. Ваша задача не труднее, чем та, которую только что на ваших глазах решил А. Т. Ф. Результат можете публиковать: “династический параллелизм”, пусть для начала и плохонький, но готов. А дальше уж, конечно, объявляйте всех египетских фараонов вымышленными копиями французских королей.

Сухо резюмируем: вопреки тому, что внушается читателю, фоменковский “династический параллелизм” — это вовсе не объективная констатация изоморфизма между реальными летописными данными по двум разным историческим периодам. Параллелизм (и то весьма нестрогий) возникает лишь после того, как А. Т. Ф. произведет над летописными данными ряд специальных предварительных операций. Иначе говоря, это параллелизм между летописными данными, исправленными согласно гипотезе о наличии параллелизма. При этом, как видно из нашего разбора, в число допустимых предварительных операций входят и столь сильные, как пропуск, перестановка, объединение и “расщепление” правителей. Ясно, что методика, допускающая такое количество степеней свободы, не имеет ничего общего с объективностью: с ее помощью можно получить почти любой результат при почти любых исходных данных.

Совсем коротко: в подлинных летописных данных об истории Руси никакого “династического параллелизма” попросту нет.

Обсчет “династических параллелизмов” составляет одну из тех операций, которые дают А. Т. Ф. возможность заверять публику, что его результаты достигнуты математическими методами. А. Т. Ф. подсчитывает вероятность случайного совпадения тех двух цепочек чисел, которыми у него представлены два разных “династических потока”, и совершенно справедливо показывает нам, что она исчезающе мала, иначе говоря, случайное совпадение практически исключено. Этот факт производит неотразимое впечатление на тех, кто легковерно воспринимает всю операцию как прямое сравнение двух рядов исторических данных. В действительности же между историческими данными и якобы отражающими их цепочками чисел, как мы видели, лежит этап интенсивного целенаправленного препарирования этих данных. Так что математически безупречно А. Т. Ф. доказал только одно: что вышедшая из его творческой мастерской цепочка чисел *A* неслучайно совпадает с вышедшей из той же мастерской цепочкой чисел *B*.

Судя по тому, что А. Т. Ф. вполне удовлетворен рассмотренным выше “династическим параллелизмом” (он нигде не говорит, что этот параллелизм чем-нибудь несовершеннее остальных), прочие “династические параллелизмы” отражают ту же самую степень требовательности автора к себе. Мы позволим себе ограничиться этим одним. Если читатель захочет сам заняться проверкой прочих “династических

параллелизм" А. Т. Ф., он во всяком случае должен помнить, что все исходные данные следует брать только из самих традиционных источников, но не из их изложения у А. Т. Ф.

Нетрудно заметить, что у А. Т. Ф. отношение к фактам при установлении "династических параллелизмов" и при сближениях слов по существу одинаково. В обоих случаях факты очень часто не укладываются в предлагаемую А. Т. Ф. схему. Тогда он действует по принципу "тем хуже для фактов", а именно, в обеих операциях позволяет себе всё большее и большее количество степеней свободы, пока его процедура не становится практически безотказной. Методика А. Т. Ф. — бесценная находка для всех желающих произвести революцию в какой-нибудь, которую не жалко, науке.

Заключение

Фоменковское "новое учение" об истории никогда бы не привлекло к себе столько внимания, если бы его автор не был именитым математиком. Оно мало чем выделялось бы среди публикуемых ныне во множестве вольных сочинений по российской или иной истории, авторы которых перекраивают "традиционную историю" — каждый в свою сторону, сообразно с вдохновляющей его идеей — нередко с не меньшим размахом, чем у А. Т. Ф., и, кстати, непременно используют рассуждения о происхождении слов — совершенно такого же уровня, как у А. Т. Ф.

Но когда автор — академик-математик, это воспринимается читателями как гарантия того, что в данном случае проблема будет разобрана и решена если и не математически, то во всяком случае в соответствии с теми высшими критериями логичности, обоснованности и доказательности, которые привычно ассоциируются в общественном сознании с математикой.

Реальность, как мы видели, в точности противоположна. В своих исторических и лингвистических построениях А. Т. Ф. не только не проявляет этих достоинств математического мышления, но, наоборот, производит впечатление человека, вырвавшегося из стеснительных уз доказательности, в которых его держала его основная профессия. Как прямое издевательство над читателем звучат слова: «... мы надеемся, что непредвзятый читатель уже убедился, что нами руководит неумолимая логика научного исследования. Мы вынуждены двигаться далее по этому пути, если хотим оставаться на почве здравого смысла и строгой научности» [НХ 2: 102]. Степень бездоказательности утверждений А. Т. Ф. превосходит всё, с чем можно встретиться даже в очень плохих филологических или исторических сочинениях. Утверждения "А вытекает из В", "А следует из В", которые уже одним своим звучанием должны гипнотизировать доверившегося автору читателя, употребляются в смысле, от которого логик впал бы в шок. Так, например, по заявлению А. Т. Ф., и то, что Батый — это Иван Калита, и то, что Великий Новгород — это Ярославль, и то, что в русской истории имеется династический параллелизм со сдвигом в 410 лет, «непосредственно и недвусмысленно вытекает из средневековых русских документов» [НХ 1: 382]; «... отождествление Ирландии в определенный исторический период с Россией... однозначно следует из древних английских хроник» [НХ 2: 114]. Самого крохотного и ненадежно засвидетельствованного факта, который в принципе допускает десять разных объяснений, но в том числе и согласующееся с идеей А. Т. Ф., ему достаточно, чтобы эту идею провозгласить, а через несколько страниц уже трактовать ее как нечто установленное и на нее опираться (не говорим уже о бесчисленных случаях, когда аргумент А. Т. Ф. просто вздорный, типа *Irish = Russian*

или еврей = иерей). Но часто даже и столь ничтожного аргумента А. Т. Ф. не считает нужным подыскивать: он просто сообщает, каково его мнение.

Послушайте, например, исполненное величия заявление об исламе: «Вообще история Мусульманской церкви совсем не проста, но мы не можем пока сказать ничего определенного по этому поводу, так как обстоятельного исследования арабских источников мы пока не проводили» [НХ 1: 373]. Сотни книг на эту тему на десятках восточных и западных языков не значат ничего, пока А. Т. Ф. сам не займется первоисточниками. Приведенное заявление вовсе не означает, однако, что А. Т. Ф. не может уже сейчас сказать, что все представления мусульман о своей истории в корне неверны, сколько бы книг они про это ни написали, тогда как на самом деле «раскол между мусульманством и православием... произошел... лишь в 15 веке... И лишь потом (когда все это было забыто), отделение мусульманства от христианства отнесли в далекое прошлое примерно на 600 лет назад» [НХ 1: 226]. Всё это А. Т. Ф. понял и без «обстоятельного исследования» источников; но со временем он и его коллеги подучат арабский язык, возьмутся за все эти источники и извлекут из них, если кому-то это так уж необходимо, еще и подтверждения своего знания.

Читая А. Т. Ф., испытываешь непроходящее чувство изумления: «Ну хорошо, представим себе, что А. Т. Ф. действительно установил, что традиционное представление об истории противоречит таким-то и таким-то непреложным фактам и, следовательно, неверно. Но откуда же он, кроме того, еще смог узнать — в тысяче подробностей! — что вместо этого было в действительности!» В самом деле, учение А. Т. Ф. включает две отчетливо различные части: критическую и, так сказать, конструктивную. Если в критической части он еще считает необходимым выдвигать какие-то аргументы, которые хотя бы могут быть сформулированы на языке науки, то в рассказах о том, что же всё-таки, с его точки зрения, реально происходило в разных странах в прошлые века, он уже чувствует себя свободным от необходимости сколько-нибудь серьезно что-либо аргументировать. Здесь он фактически действует не как исследователь, а как ясновидец. «Нам кажется, что», «по нашему мнению», «что если», «наша гипотеза» — эти формулы повторяются как рефрен по нескольку раз на страницу. «Гипотезы» бьют фонтаном; их не сосчитать. Любая из них столь фундаментально переворачивает прежние представления о предмете, что для ее обоснования в обычной научной практике потребовалась бы как минимум обстоятельная статья. А. Т. Ф. в этом не нуждается; у него текст того, что подается как обоснование «гипотезы» (если таковой вообще есть), обычно занимает не больше места, чем ее изложение. Последователь учения должен просто уверовать в мощь интуиции А. Т. Ф., позволяющую ему всё угадать; аргументы после этого излишни. Это позиция пророка, гуру, главы религиозной секты, но только не ученого.

Заметим, что ошибочность утверждений А. Т. Ф. сама по себе, конечно, еще не означает, что с традиционной хронологией у историков нет никаких проблем. Частные проблемы этого рода безусловно есть и, вероятно, будут возникать и в дальнейшем, но они будут решаться в ходе нормального исследовательского процесса. В своем нынешнем виде учение А. Т. Ф. не может исполнить даже роль полезного стимулятора, который подтолкнул бы серьезных историков к наведению порядка в темных углах традиционной хронологии. Это учение давно проскочило ту стадию, когда оно могло претендовать на такую роль. Нагромоздив на собственно хронологическую проблематику горы дилетантской чепухи и фантазмагорических вымыслов, игнорируя профессиональную науку и апеллируя вместо этого к неподготовленной широкой публике, А. Т. Ф. столь прочно поставил себя вне науки, да и просто вне здравого смысла, что будущий исследователь хронологии уже не станет

раскапывать всю эту гору абсурдов, чтобы проверить, не скрывается ли в ее недрах какое-нибудь рациональное зерно.

Что А. Т. Ф. предлагает ошибочную концепцию истории — не главное. Это малый грех. Дело в другом: в нынешнюю эпоху, когда классический научный идеал и без того находится под неслыханным натиском иррационализма всех видов, включая ясновидение, гадание, суеверия, магию и т. п., А. Т. Ф., беззастенчиво используя всю мощь традиционного авторитета математики, внедряет в молодые души представление о том, что в гуманитарных науках нет в сущности никакого позитивного знания, зато есть масса сознательных подлогов, и можно, свысока относясь к пыльным и тенденциозным традиционным сочинениям, смело противопоставлять любому утверждению этих наук свою интуитивную догадку. «Я уверен, что слово *Москва* происходит из МОСС (англ. 'мох') + КВА, т. е. 'лягушка во мху'»; «По моему мнению, первоначальное население Южной Америки составляли русские»; «Нам кажется, что Петр I был женщиной»; «Моя гипотеза: Николай Второй и Лев Троцкий — одно и то же лицо». Ни одно из этих утверждений не хуже и не лучше тех, которые сотнями преподносит нам А. Т. Ф. Любое из подобных утверждений ныне, вдохновляясь примером А. Т. Ф., молодой честолюбец может смело выдвигать в качестве «научной гипотезы», объявляя возражающих рутинерами.

Как человек, глубоко почитающий математику, я должен сказать, что едва ли кто-либо когда-либо наносил столь тяжкий урон престижу математики и математиков в общественном сознании, как А. Т. Фоменко. Еще недавно представители гуманитарных наук судили о возможностях плодотворного участия математиков в решении их проблем по замечательным работам А. Н. Колмогорова. Ныне им придется судить по А. Т. Фоменко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубцова Е. С., Смирин В. М. 1982 — О попытке применения «новых методов статистического анализа» к материалу древней истории // «Вестник древней истории». 1982. № 1.
- НХ — Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Изд. 2-е. Т. 1–2. М.: Издат. отдел Учебно-научного центра довузовского образования МГУ, 1996.
- Пономарев А. Л. 1996 — Когда Литва летает или почему история не прирастает трудами А. Т. Фоменко // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 18. 1996.